

НЕСТОР КУКОЛЬНИК

ИОАНН III,
СОБИРАТЕЛЬ ЗЕМЛИ
РУССКОЙ

Нестор Васильевич Кукольник

Иоанн III, собиратель земли Русской

Серия «Россия державная»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33388233

Иоанн III, собиратель земли Русской: Мир книги; Москва; 2010

ISBN 978-5-486-03528-9

Аннотация

Творчество русского писателя и общественного деятеля Нестора Васильевича Кукольника (1809–1868) обширно и многогранно. Наряду с драматургией, он успешно пробует силы в жанре авантюрного романа, исторической повести, в художественной критике, поэзии и даже в музыке. Писатель стоит у истоков жанра драматической поэмы. Кроме того, он первым в русской литературе представил новый тип исторического романа, нашедшего потом блестящее воплощение в романах А. Дюма. Он же одним из первых в России начал развивать любовно-авантюрный жанр в духе Эжена Сю и Поля де Кока. Его исследования в историко-биографическом жанре позднее получили развитие в романах-исследованиях Д. Мережковского и Ю. Тынянова. Кукольник является одним из соавторов стихов либретто опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». На

его стихи написали музыку 27 композиторов, в том числе М. Глинка, А. Варламов, С. Монюшко. В романе «Иоанн III, собиратель земли Русской», представленном в данном томе, ярко отображена эпоха правления великого князя московского Ивана Васильевича, при котором начало формироваться единое Российское государство. Писатель создает живые характеры многих исторических лиц, но прежде всего – Ивана III и князя Василия Холмского.

Содержание

Часть I	6
I. Москва в июле 1487 года	6
II. Кошка с собакой	30
III. Сватовство	47
IV. Ночное	77
V. Тревога в теремах	105
VI. Рабочая палата	121
VII. Три посольства	152
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Нестор Кукольник Иоанн III, собиратель земли Русской

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Часть I

I. Москва в июле 1487 года

*Как зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался в ей грозный Царь.*

Старинная песня

На двадцать пятом году государственования Иоанна III Москва уже не гляделась татарским пепелищем; веселые слободы длинными лентами сплошь тянулись к каменному Кремлю, выросшему на том же месте, но в другом, лучшем виде: не острог деревянный, а стройные кирпичные стены с зубцами изящного профиля вывели фряги, все под правило да в меру, так что любо-дорого смотреть. А уж гладь какая! – так и соборы не строились в старину.

Афанасий Силыч Никитин¹, тверской купчина, ночью воротился из дальнего, многолетнего странствования в индийскую сторону, за три моря. Впотьмах ища ночлега, не до Кремля ему было; и как пустили – с дороги заснул сном бо-

¹ Здесь автор допускает фактологическую ошибку: к моменту описываемых событий Афанасия Никитина (? – 1474/75), автора литературного памятника «Хождение за три моря», уже не было в живых.

гатырским. Звонили к обедне уже, когда Силыч протер глаза и по привычке, не долго думая, вскочил, помылся, перекрестил лоб и вышел на улицу. Суета необычная озадачила путешественника с первого шага. Добравшись до базара, он, однако, нашел, что у купцов лавки позаперты. Народ бежит куда-то, и Никитин направился вслед за другими. На повороте – вдруг заблестели кресты золоченые, за какою-то стеною словно; а перед нею поле гладкое, бархатный луг. Силыч невольно попятился и принялся, крестясь, протирать глаза, не доверяя себе.

– Что за притча, – подумал он вслух, – на Москву ли я, полно, попал?

– А то куда же? – отозвался с неприятным хохотом оборванец нищий, покойно рассевшийся на муравке и собираясь утолить голод без дальних разносолов. Перед ним стояла берестяная кружка с водою, подле увесистого каравая хлеба.

Никитин невольно, не без тревоги, посмотрел на хохотуна, и ему стало как-то неловко. Выражение лица нищего было таково, что могло поразить всякого и часто с ним сталкивавшегося, не только увидевшего случайно. Представьте полное лицо без бровей, с острой рыжей бородой; глаза точно оловянные, кажется, не глядят, хотя зрачки у оригинального субъекта и находятся на месте. Искривленные злобой губы в постоянном движении, как будто бы никогда плотно не сходились, выказывая глазные резцы, похожие на волчьи клыки. И при этом на невзрачной образине бродит улыбка,

не предвещающая ничего доброго. Никитин хотел было уйти, но его удержала рука нищего.

– Видно, приезжий? – продолжал тот каким-то птичьим голосом, в котором многие звуки были чисто гортанные, резкие, хотя и хриплые. – Жаль, с виду глуп, по одеже – богат. Поумнеешь – обнищаешь! Поверстаемся!..

– Что ты мелешь, рыжая борода?..

– Отваливай! Есть хочу; обед стынет, а утроба тужит.

– И не ребенок, кажись, а потерпеть не хочешь; до обедни недолго, кажись, – ответил Никитин.

– У меня моя обедня отошла, а ты ступай голодать в Кремль, коли пропустят.

– Так это Кремль?

– А то что же? Он самый, со всеми фряжскими затеями... Стрельниц, стрельниц, а ведь со всеми ими не спасется!.. Стены были в Содоме и Гоморре! Куды крепок и Иерихон считался – да свалились сами... и ограды, и забрала... И этим не уцелеть!

Никитин посмотрел на нищего еще с большим изумлением, но тот не обращал уже никакого внимания на наблюдателя. С выражением злобного любопытства смотря на толпы волновавшегося народа (который старался протесниться в Кремль), он бормотал несвязные слова.

– А вы, скимны рыкающие! – вдруг вскрикнул нищий, и лицо его еще страшнее искривилось. – Поделом вам, поделом. Да вон и он! Легок на помине. Под ним лошадь пляшет,

а у самого небось душа в пятках, чтобы набольшего не прогневить, неравно опоздаешь. А жезл у него здоровый, впору с ним на медведя ходить; на то у тебя кличка собачья: ты не Щёня, дружок, а Щеня...

– Где, где? – спросил торопливо Никитин.

– А вон – видишь, золотой витязь на вороном аргамаке², что поднялся на дыбы, ровно на стену иерихонскую скокить собирается. Да он еще меньшей сокол; старшой под Казанью: золотую гривку себе татарскими головками зарабатывает. Вон едет и князь Иван Юрьевич... Ольгерду праправнук, говорят, да родной племянничек московского князя Великого – Патрикеевым прозывается. За то у его и чин московский: первый боярин! Все коршуны слетаются в свое каменное гнездо. Видно, Большак с золотой головой сон ночесь видал неладный, всю дворню и собирает. Глянь-ко, таперича к воротам князь Федор Пестрый подъехал; глянуть не на что, а бают, Пермь взял. Во как у нас?! А тамо что аще деется?

Нищий вскочил и, заслоня рукой свои оловянные глаза от жгучего июльского солнца, стал присматриваться к толпе, которая, окружив кого-то, провожала к воротам. К толпе этой со всех сторон подбегали люди, и она росла, ширилась и волновалась.

– Ничего не разберу! А должно быть, московским зеворотам занято что ни есть, – ворчал про себя странный нищий, убирая свой обед и посуду. – Не хотелось сегодня в

² **Аргамак** – рослая верховая лошадь древней азиатской породы.

Кремль ходить, да надо: видно, там новинка есть... Не скупись, поделись и с нами своими новостями, Иван Васильевич! – И на безобразном лице хохотуна-ругателя явилась какая-то неопределенная загадочная улыбка.

Закинув котомку за плечи, нищий схватил костыль свой и скорым шагом направился к воротам...

– Тут не пройдешь, – сказал Никитин, невольно следуя за нищим.

– Где наши не проходили!

И правда, народ расступался и давал нищему дорогу. Никитин тоже воспользовался случаем, примкнув к своему непрошеному чичероне московских замечательностей. Они беспрепятственно вошли в Кремль, где невиданное великолепие совсем ошеломило путешественника в Индию.

Бывало, к деревянному собору Богородицы с немногими боярами подходил пешком тщедушный Василий Темный, своею неровной походкой не привлекая и зевак. Дорожка шла извилистая, узкая; из садов и за палисадами торчали ветхие деревянные избушки, если еще не высывались докучно обгорелые трубы да кучи угля. Самые великокняжеские хоромы отличались от обывательских изб разве большей обширностью места, занятого хозяйственными пристройками. А то в жилище государя, так же как у соседей, окна да двери стояли зачастую наискось и между потемневшими тесницами зеленел влажный мох на крыше.

Куда все это прибралось? Словно вымели, как сор, на-

росшие здесь хоромы, церкви и кладбища. Вместо всего хлама этого величественный Успенский собор поднялся из земли как по щучьему велению, вытягивая за собою и игрушку-храм Благовещения, с его затейною узорчатою лепкою пилястр, расписанных яркими красками и золотом. За ним воздвигался новый деревянный дворец государев, а направо красовалась только что оконченная Грановитая палата – предмет гордости и удивления Москвы. На широком Красном крыльце гранитового чертога государева стояла теперь сотенная толпа царедворцев в пышных нарядах, залитых золотом. Никитин, пораженный великолепием двора Иоаннова, оглянулся, чтобы расспросить кое о чем загадочного нищего, но его уж и след простыл.

А народ все прибывал, хотя в Кремле не было места упасть и яблоку. Волны народа словно закаменели: ни вперед, ни назад. А тишина царствовала такая, что слышно было жужжанье комара в воздухе.

– Какая ужасная скука стоять в этих тисках, – сказал кто-то позади Никитина по-итальянски. – Пойдем лучше на террасу, где стоят московские нобили!

– Ваше высочество любит говорить и смеяться, а там ведь нельзя; тут же никто нас не поймет.

– Да теперь и неловко будет высовываться вперед. Добрый завтрак, я думаю, предательски изукрасил наши лица, – отвечал другой голос вкрадчиво, венецианским наречием.

– Оно, пожалуй, и так! Да, я думаю, нам и тут-то нечего

делать. Чужая радость нам не торжество, да и смотреть на этих медведей, право, не находка. Если бы еще были красотки вместо мужей, братьев и отцов. А на таких холопов нагляделся я и в прихожей моего друга Магомета Второго. Пойдем лучше к Зое! Только и добра в этой Москве, что она да Хаим Мовша!

– Во всяком случае, надо дать знать кастеляну³, что ваше высочество не совсем здоровы: иначе приятель нахмурится, пожалуй, не даст жалованья. Он ведь рад всякому предлогу зажить деньгу...

– Конечно! А все ж пойдем к Зое... С извинением послать можно и Мовшу, – прибавил главный из собеседников решительно.

– Вы забываете, что Мовше и на Москве быть не совсем теперь ловко, а послать еще его в Кремль – значило бы погубить верного союзника навсегда. Я пошел бы сам, да проклятый завтрак... Я чувствую, что на лице моем...

– Восхождение солнца, ты хочешь сказать, – истинно! Веселый Дионис прикрыл щедро багрянцем лик своего подражателя. Но ты и в этом виде еще сносен. Вот я?..

– Ваше высочество изволите шутить!.. А послать все-таки некого.

– Позвольте предложить мои услуги, – отозвался Никитин по-итальянски, и собеседники смутились не на шутку.

Тот, которого собеседник называл высочеством, прошеп-

³ **Кастелян** – род коменданта, смотритель замка.

тал по-гречески с досадой: «Лазутчик!»

– Ошибаетесь, – подхватил Никитин также по-гречески. – Я много странствовал по белу свету, так необходимость заставила научиться многим чужим языкам... индийскому даже. А кстати, у меня поручение к вашей милости из Кафы, смекаю, что ты господин деспот морейский? Очень рад, что случай доставил мне видеть высочество твое сегодня же. Кафинские паши уверяли меня, что письмо это весьма важно...

– Где же оно?

– Представить готов где и когда угодно.

– Через час, у Зои!

– Да я не знаю, кто госпожа эта и где искать ее?

– Постойте, ваше высочество, я объясню ему все, но пусть прежде сходит к кастеляну и объявит, что мы не здоровы...

– И такого чина, опять же, не знаю я на Руси...

– Синьор Патрикио, – отвечал собеседник деспота морейского, его переводчик Рало.

– То есть князь Патрикеев! Понимаем, да пропустят ли к нему? Видите, какая давка...

– Это уже мое дело, – отвечал переводчик. – Ступай за мной, я и проведу тебя до крыльца... А ваше высочество? – обратился он к деспоту.

– Я пойду потихоньку к Зое.

И они двинулись в разные стороны.

Народ, видно, знал своих гостей: Рало провел Никитина сквозь толпу без большого труда. Площадка перед собором

была ограждена рогатками, но как только сторожевому воину Никитин объявил, от кого идет, рогатку отодвинули и Силыч не без страха стал подходить к Красному крыльцу. Тут стояли два рынды⁴ в атласных одеждах, с позлащенными секирами на плечах. С подходом Силыча к крыльцу секиры опустились и загородили ему дорогу. Никитин заявил, что он послан от деспота и зачем даже, но рынды только улыбнулись.

– Тут посланцам не дорога, – сказал один из них, – да боярину теперь и не время. Если он не у государя в рабочей, так князей и бояр в думу вводит.

– А может, и в теремной палате дела рядит, – заметил в свою очередь Никитин.

– Быть может! Так вот, дружок, видишь, за Благовещением калитка, за калиткой – дворик, спроси там – укажут!.. Только этим путем не ворочайся: мимо собора вашей братии не дорога.

Никитин уже не слушал попечительных предостережений. Он спешил, чтобы застать князя, но немало дворов и двориков прошел он, пока добрался до теремной палаты. Князь еще был там, посланца от деспота не задержали, и вот он в палате Патрикеева. Чертог, впрочем, был не по сановитому обладателю: низок, длинен и темен.

Князь Иван Юрьевич жил уже шестой десяток, но борода и усы были без малейшего признака седины. Живые глаза

⁴ **Рынды** – телохранители, оруженосцы.

сыпали еще искры, и высокий рост еще не скрадывался согбенным станом, напротив, боярин держался прямо, сохранив величавую осанку. Патрикеев, стоя у окна, глядел на черный двор, а князь Федор Рязановский что-то с живостью ему рассказывал; по выражению лица Патрикеева нельзя было догадаться, приятен ли был ему этот рассказ или нет. Только шаги чужого человека, хотя и почтительные, прервали княжескую беседу. Патрикеев живо оборотился и спросил:

– Что надо?

– Его высочество, Андрей Палеолог, деспот морейский...

– Да ты-то кто?.. Таких холопей у него я не видывал, – прервал Патрикеев, озирая Никитина с ног до головы.

– Я и то не холоп, а тверской гость, Афанасий Никитин... И не на послугах у его милости, а так, случаем, попросил он меня доложить князей твоей чести, что во дворец, по государеву указу, за недугом быть ему невозможно...

– Верно, пьян! Я и без посланца догадался бы! Так кланяйся, честной гость, деспоту и скажи, что, мол, о тяжком недуге его государю доложим! Прощай, батюшка!

– Позволь, боярин, мне и свое челобитье...

– И опять до меня? Посмотрим. Говори, да проворнее...

– Да вот Москва забрала Тверское великое княжество, своего наместника там поставила; тот наших людей не знает, мой дом своим людям на житье отдал, а меня в Твери не было.

– А ты где же был?

– В Индии.

– Где?

– В Индии.

– Князь Федор Семеныч! Что это он бает? Ты, видно, тоже трапезничал со своим деспотом и со сна несешь околесную... Индия! Было такое царство в Библии, да теперь-то откуда ему взяться, чай, его потопом снесло. В наше время об нем ничего и слышно не было; отколь же явилось? Вот мне говорил жидовин Хази Кокос, когда приезжал в Москву из Кафы, что есть Хинское большое царство, и еще совет подавал послать туда его с войском... Да я и этому не поверил. Такого царства по всей Библии не найдешь, и его, кажется, новая мудрость сочинила. Дивлюсь, что жидовин ей поверил.

– Хази не обманул тебя, боярин: жидовин-то он жидовин, но честный, притом же он караимского закона. Не будь хан Менгли-Гирей его другом, так ему в Кафу и носа не дали бы показать, теперь турки хуже генуэзцев. Да и добро бы один турок, а то трех пашей поставили, обобрали они меня, нехристи; почитай, половину товаров оттягали; слава те Господи, что другую оставили. А то нечем было бы государю и его боярам поклониться, и за то спасибо Хази Кокосу и хану – отстоять пособили. И грамотами к твоей боярской милости снабдили меня. Нехристи хошь, а дай Бог им здоровья...

– Коли грамоты – подавай...

– За пазухой во весь путь берег! Изволь, ваша честь, получить.

Патрикеев с живостью сорвал висячую печать, развязал толстый шелковый шнурок, развернул хартию и стал читать.

По лицу заметно было, что чтение очень занимало князя, и, дочитав до конца, он приветливо посмотрел на Никитина.

– И здесь пишут, что Индия есть! Недаром свет велик, говорят, – заключил боярин, неохотно отступая от своего прежнего убеждения. – А все же потопом могло отнести ее и за море, – как бы про себя промолвил он еще раз. – Надо про тебя государю доложить, – прибавил Патрикеев в заключение и поспешно ушел из палаты.

Ряполовский, вероятно, не был расположен продолжать беседу, а Никитин не смел, и они проиграли в молчанку добрую четверть часа, пока воротился дворецкий великого князя.

Осмотрев Никитина с головы до ног испытующим взглядом, он сказал ему тихо:

– Государь верит, так моя вера в сторону, а все, голубчик, я тебя велю обыскать. Гей, Самсон! Обшарь-ка этого купчину, нет ли у него чего запретного...

Дюжий сын боярский, лет сорока пяти, с окладистой бородою, в опрятном чекмене, отороченном золотым галуном, бесцеремонно запустил руки за пазуху Силыча, потом в карманы и вытащил оттуда ящичек из драгоценного дерева, расписанный довольно искусно яркими красками.

– Это что? – строго спросил Патрикеев, принимая из рук Самсона досканец.

– Вещь, драгоценнейшая из всех моих товаров! Если удостоюсь счастья побить челом государыне великой княгине, то хочу поклониться ей этим клейнодом⁵... Это четки самоцветного камня, каких нет ни у турецкого султана, ни у крымского хана, ни у самого персидского шаха; подарила мне их вдова, шахиня, за то, что я ее от злой болезни вылечил...

– Так ты знахарь еще?

– Признаться тебе, боярин: лечебного дела не знаю, а меня индийские мудрецы кое-каким тайнам наставили; так, умею избавлять от злой трясовицы, от камчуга⁶ иль зоб уничтожить и...

– А это что? – спросил Патрикеев, подозрительно поглядывая на гостя и раскрыв сафьяновую коробочку, вынутую Самсоном из-за голенища у Никитина. Сильный запах мускуса до того ошиб князя, что он уронил коробочку, и по полу рассыпалось несколько черных сердечек и крестиков...

– Это – мускус! – спокойно отвечал Никитин. – Полезное благовоние: уничтожит всякую тлю, а платье от него приятно благоухает...

– А возьми-ка ты сердечко в зубы да слушай!

– Князь-боярин, да ведь этого не едят.

⁵ **Клейноды** – предметы, служащие представителям державной власти, – корона, скипетр, держава.

⁶ **Камчуга** (болезнь) – подагра и красная сыпь в один струп, род проказы.

– А! – гневно рявкнул боярин. – Понимаем – как съешь, так с Авраамом повидаешься раньше срока. Отрава, значит, коли есть нельзя, а не отрава, так почему не съесть?..

Никитин махнул рукой, промолвив:

– Погань христианину! Пожалуй, если не веришь, возьми, спрячь у себя мускус.

– Сгинь он, пропади, коли поганый!

– Да держать-то не претит вера, а только есть нельзя. А вот те Бог, нету ничего худого, на Востоке дети на шее носят, не токмо что...

– Ну, пожалуй, – сказал Патрикеев, видимо смягчаясь, но значительно взглянув на Ряполовского, – только собирай сам твоё зелье да сложи в коробку; Самсон, дай ему какую ни есть ветошку завернуть да отопри этот ящик. Положи и замкни сам, а ключ подай сюда... У нас, брат, есть свои знахари, рассмотрят, не на неучей напал...

– А что, Самсон, ничего нет больше?

– Мошна! Да к поясу пришита.

Никитин развязал пояс и высыпал на стол немало золотых монет, все восточных.

– Возьми свои деньги, на, пожалуй, и четки. Они для Елены Степановны, ты молвил?

– Нет, князь-боярин, для государыни Софьи Фоминишны!

– Так ты грек?.. – вскрикнул Патрикеев с приметной досадой.

– Тверитянин!..

– Врешь! Грек окаянный, недаром гречанам посыльщиком и служишь... ты... – Но сам вдруг мгновенно опомнился и, вперив испытующий, строгий взор в Никитина, долго всматривался в него. Испытание, кажется, успокоило его недоверчивость, хотя он и молчал.

Никитин со вздохом заговорил:

– Ну, боярин, я твоему норову не завидую; вспомни, что говорит апостол: сомнения подобны волнению морскому, ветрами воздымаемому и возметаемому. Тебя так и кидает из подозрения в подозрение. Мне, купчине, ваши дворовые тайности неведомы; я простой человек, воротился в дом родной, да не нашел дома; Москва все забрала; пришел челом бить первому государеву боярину и сроднику, а он...

– А он видит, что от тебя Литвой пахнет. Видно, младший брат государев еще не уgomонился? Ваш тверской великий князь Михаил защитить своего престола не мог, так уж литовской хитростью его не воздвигнет.

– Дивлюсь разуму и воле Иоанна, соболезнаю о несчастьи нашего доброго Михаила, но как человек – не больше. А как русский, радуюсь Иоанновым успехам. Только мелкий ум не видит в трудах его блага Руси и общей пользы. А я то смекаю, что в одном народе праведно быть одному пастырю и одному стаду. Не верится ушам, что совершил Иоанн до дня моего приезда на родину... Оставил я Великий Новгород истинно великим... Реки злата чужеземного текли там, три Москвы

уместилось бы в нем. Наложил государь державную руку, и – нет Новгорода! И вечевой колокол замолк...

– Ты не глупи, парень! Не будь грек... так...

– Полно, князь! Все грек я у тебя, а за что, спроси? Что хотел чувствовать государыню? Мне даже становится обидно. Я не целовал еще креста на верность Иоанну, был далеке, когда князь Михаил Холмский отворил вам врата Твери, стало, не присягой связан. А за дела полюбил уж московского владыку. Дела его для меня еще виднее, как двадцать лет не был на Руси. Я оставил ее всю чересполосную, вотчиной татарскою; возвращаюсь – нет княжений дмитровского, можайского, серпуховского; роды ярославских, ростовских, муромских князей – служилые! Кончилось великое княжение тверское, как и своя воля у Новгорода. Теперь, почитай, одно: вся Русь – Москва! Только Псков да Рязань, да и те не надежны...

Горячая речь умного купца Патрикееву была совсем по душе, и сдвинутые брови боярина незаметно разошлись по своим местам.

Никитин, не замечая этой перемены, продолжал с прежним жаром:

– Нелицеприятна и не пуглива твердая воля Иоанна. Повелел, и – отец гонит сына. Да какого сына? Князь Василий Михайлович Верейский недаром прозван Удалым! И на богатство его не посмотрели! Хотел себя укрепить и оградить женитьбой, взял в жены племянницу государыни Со-

фьи Фоминишны, царевну греческую, и свойство не спасло. Сын бежал, отец умер; Русь стала цельнее! Дивно, ей-же-ей, дивно! Но главное, – продолжал с одушевлением развернувшийся путешественник, – мы уже не рабы татарвы некрещеной! Уж ханы их поганые не ставят нам кого хотят на княжество; князья наши не кланяются, да и некому кланяться! Юрт Батыев в развалинах; Золотая Орда что тень бродит по волжским степям, ест полынь горькую... Одна Казань...

– Взята в прошедшую субботу!

– Что? Правду ли я слышу?.. Кажись, не ослышался?

– Патрикеев тебе сказал правду, – отозвался сам Иоанн, вступивший в это время в палату. – Князь Иван, я позволяю купчине Никитину на большом нашем выходе видеть царя казанского Алегама в цепях.

Хотя Никитин во время продолжительного своего странствования видел немало государей могущественных, дивился восточной роскоши, привык, кажется, к блеску и пышности восточных властителей, но при звуках речи Иоанна пробежал у него по коже невольный трепет. Перед ним стоял тот, чьи подвиги с таким жаром он исчислял за мгновение; тот, чей взгляд подкашивал колени у князей и бояр крамольных, извлекал тайны из очерствелой совести их и лишал чувств нежных женщин. Иоанн был в полной силе мужества; ему шел сорок седьмой год, и все в нем дышало строгим, грозным величием. Он был в парчовой ферязи⁷ и в шапке боль-

⁷ **Парчанаферязи** – длинное мужское или женское платье, праздничный са-

шого наряда, опушенной черной куницей и разукрашенной дорогими самоцветами. На застежках риз сияли многоцветные изумруды и лалы⁸; головка у длинной трости как будто была слеплена из бирюзы, и на этой бирюзовой горке сверкал тысячью цветов огромный алмаз. Иоанн, как известно, любил пышность, вполне постигая ее нравственное значение на неразвитый народ. На приемах послов, в соборах и торжествах народных, с самого занятия отцовского престола, он являлся окруженный великолепиям, в сонме братьев, князей и бояр. Теперь уже братьев не было; Андрей, меньший, и Юрий, Васильевичи, покоились сном вечным; Андрей-старый и Борис боялись показываться при дворе, проживая в городах. Не было и князей самостоятельных, некогда сопровождавших Иоанну в походах и путешествиях. А те, что остались, были мелкопоместные, сами добивались чести быть только боярами московского двора и не без труда получали этот вожеленный сан, принявший при Иоанне новое и важное значение.

Никитин, взысканный милостивым словом государя, скоро ободрился и на благосклонное дозволение видеть торжество отвесил земной поклон. Иоанн, опершись на трость, отдал приказ, по обычаю своему, лаконично.

– Проводить гостя на крыльцо! Князь Иван, открывай же большой выход... Пора!

рафан.

⁸ Лал – драгоценный камень – рубин, яхонт, изумруд, алмаз.

Тот же дюжий Самсон помог теперь Никитину приподняться с полу и повел его ближайшим путем на Красное крыльцо. Там заметно уже редела толпа сановников; Патрикеев открыл так называемый большой выход, то есть отворил врата Грановитой палаты и впускал в нее князей и бояр по московскому их чину. Последним вошел Никитин. Рында, в горлатной высокой шапке, с золотой секирой, указал ему на заднюю скамью, где сидело несколько просто одетых иностранцев. То были зодчие и врачи великокняжеские; Никитин, взволнованный неожиданным представлением своим государю, впечатлениями и встречами утра, усталый, измученный, добрался до скамьи не без удовольствия. Несколько мгновений он сидел совсем зажмурившись, и тишина, господствовавшая в палате, погрузила его было в дремоту. Легкий шум разбудил его, когда князья и бояре повставали с мест своих, увидя Иоанна. Медленно прошел он к своему престолу. Князья и бояре низко кланялись. Воссев на трон свой, государь молча окинул своим орлиным взором собрание, пока старший сын его – Иоанн-младший – и княгиня занимали свои обычные места. У подножия трона встали Патрикеев и Федор Ряполовский. Никто не знал причины созыва собрания, и на всех лицах написано было ожидание. Царь недолго томил. Встал и голосом твердым и звучным сказал:

– Верные мои князья и бояре! Господь Бог благословил войско наше победою великой! В четырнадцатый день июля наш воевода и боярин, князь Данило Холмский, взял Казань,

гордую столицу Мамутекова царства, и мятежного царя казанского Алегама прислал к нам, к великому государю, на Москву...

– Здрав будь, государь, князь великий! Господин всея Руси, Болгарии и Казани! – загремел сонм голосов, и этот клик подхватила дружно толпа, стоявшая на площади. Иоанн махнул рукой, и все замолкло.

– Утверждаю за собой титул, но не хочу царства! Мы повелели Холмскому на казанский престол поставить Махмет-Аминя за великие заслуги, оказанные ханом крымским и супругой его, царицей Нур-Салтан, матерью Махмет-Аминя. Князь Федор, – обратился Иоанн к Рязанскому, – ты привез нам сегодня радостную весть – жалуем тебя в бояры наши. Князь Иван! Читай отписку казанскую.

Патрикеев выдвинулся со своего места и, остановясь на ступеньках трона, развернул столбец, где описывал Холмский взятие им Казани, и прочел его четко и внятно. Когда замолк он, еще раз палата огласилась торжественными кликами.

– Славное дело великая победа! – Иоанн поднялся снова, и все смолкло. – Князь Данило Дмитриевич достоин милостей, и как достойно наградить его, нашего желанного, подумаем. А теперь ты, Русалка, сходи и спроси о здоровье супружницу покорителя Казани – княгиню Холмскую. Скажи ей от нас, что князь Данило прославляет державу нашу победами, а княгиня, добрая сродница наша, пестует детей и

внуков наших, что мы, великий государь, все сие памятуем и на сердце держим.

— Князь Данило Васильевич, — обратился затем государь к маститому Щене, — много подвигов добрых на твоей седине; ты друг и сподвижник Даниле Холмскому, будь и ты здоров и благополучен в сей радостный нам день.

Князь почтительно поклонился челом к земле.

— И ты, боярин, князь Федор Данилович, — затем заговорил Иоанн Рязполовскому, — не одну победу одержал, и тебе, казанский мой богатырь, друг и сподвижник, привет наш. И тебе равная честь. А где мой Афоня Никитин! — громко произнес Иоанн, оборотившись назад и ища глазами недавнего своего знакомого путешественника, которого рынды вывели на средину трепещущего. — Ты купечествовал довольно. На старости бодрой ты можешь быть полезным государству нашему своим досужеством и опытностью. Пройдя от нашей Твери до пределов индийских, ты многое видел, многому научился; жалуем тебя в московские дворяне наши и повелеваем тебе быть дьяком в Посольском нашем приказе. Знаю, что ты принес мне в дар многоцветные четки казымбальские и хранишь их при себе. Бояре сведут тебя от имени нашего после выхода ко княгине нашей в терема, и тебе, Афоня, будет честь поднести ей от лица нашего твои многоцветные четки, ими же ты хотел нам поклониться в день сей радостный... — Тут снова государь сел на престол свой и крикнул: — Алегама!

Наступила мертвая тишина. Никитин был совершенно смущен и милостью, и поручением, тем более что на него обратились глаза всего собрания, и он не знал, куда деваться от щекотания завистливых взоров. К счастью, двери палаты с шумом растворились, и двое дворян ввели низвергнутого царя казанского. Он казался еще бледнее в пышном наряде, носимом владыками Казани в торжественные дни: на голове, сверх чалмы, сиял у него еще венец царский, на плечах мамутекова парчовая шуба, а на ногах и на руках звенели цепи. Лицо Иоанна, дотоле спокойное, даже веселое, приняло теперь выражение гневное, грозное. Алегам затрепетал, взглянув на Иоанна, и на князьях и боярах отразился страх побежденного. За Алегамом шли, также в торжественной одежде и также в цепях, его братья, за ними вели мать, сестер и двух жен низверженного. Давно ли еще татарские ханы называли великих князей наших своими рабами, давно ли сам Иоанн посылал в Золотую Орду дань многоценную? А теперь?..

– Раб дерзкий! – загремел Иоанн в гнев, так что все собрание вздрогнуло. – Клялся ты жить с нами, как грамоты между нами уставлены, а сам ни в чем не стоял, не прямил. Принудил нас к войне, так кайся же теперь в Вологде! Снять с него венец и мамутекову шубу... Я – государь всея Руси и Болгарии, даю Казань пасынку крымского друга своего – Махмет-Аминю. Князь Федор Ряполовский, наш нареченный боярин, отвезет этот венец и шубу князю боярину-воеводе Даниле Холмскому, да возложит он царский сан на сы-

на Нур-Салтан-царицы...

– Брат Иван... – начал было, заминаясь, смущенный Алегам, но тяжелая трость с бирюзой поднялась, гневный взгляд Иоанна сверкнул, и голосом, полным горечи, торжествующий собиратель земли Русской прервал речь пленника:

– Я не брат лицемеру! Прославь милость нашу за то уже одно, что не велим мы посадить тебя на кол, как сажал ты невинных гостей наших, угождая своим распутным уланам да злым наложницам. Князь Феодор, скажи князю Даниле, пусть разыщет бережно уланов Алегамовых да казнит из них виноватых. А жен твоих, злых советчиц, дарю тебе, Алегам, – на потешку на Вологде! Мать же и сестер его, – изрек грозный властитель, указав на татарских принцесс, – на Белоозеро!

– За что так? – с дерзостью спросила надменная царица – мать Алегамова.

– За то, что родила злодея нам, – с горечью ответил Иоанн, побагровев, и выпрямился во весь рост свой. – Показать изменников народу, – загремел он в заключение. – А мы, бояре и князья наши присные, пойдем принести благодарение Господу, да спасет и помилует он рабов своих, – и перекрестился...

Закрестилась вся палата, и государь, сойдя с престола об руку с сыном, медленно пошел к выходным дверям на крыльцо.

Оглушительный звон во все колокола покрыл вопли тата-

рок, и только перекаты народных возгласов на площади, вперерыв колокольного звона, глухо проникали в оставляемую Грановитую палату.

II. Кошка с собакой

Нашла коса на камень.

Тяжелое впечатление и неожиданность громовой развязки сцены представления пленного семейства казанского царя – причем весь интерес сосредоточивался в лице самого Иоанна – до того овладели всеми собранными в Грановитой палате, что при выходе из нее бывший во все время обок отца наследник не привлек к себе ничьего внимания.

Нечего прибавлять после этого, что никто не подумал даже и бросить взгляд на сидевших позади мужей своих княгинь: Софью Фоминишну и Елену Степановну. Между тем эти две особы, далеко не ничтожные по своему влиянию на дела, были помещены на том же троне, с которого раздавалась громовая речь собирателя земли Русской.

По перипетиям беспощадной, хотя и скрытой, войны, давно уже веденной невесткой и свекровью, обе они могли бы дать – даже раньше времени начатого нами рассказа – много драгоценных подробностей такому поэту, как Шекспир, если бы таковой в Москве имелся, для создания идеала соперниц по власти, равно искусных в нанесении одна другой болезненных ударов самолюбию под личиною наивности и даже наружного расположения. До сего дня Софья была, впрочем, реже торжествующей и, следовательно, глубже затаива-

ла свою ненависть. Счастливая же соперница стала, по мере успехов, более заносчивою и отважною. К несчастью, всякое неосторожное движение в подобных ролях соперниц может дать перевес противной стороне. Но кто же представляет себе, в упоении полной победы, немедленное поражение, хоть это и бывает сплошь и рядом? Во все продолжение сцены в Грановитой палате на холодном лице супруги Иоанна III не дрогнула ни одна фибра. Тонкие черты ее умного лица были, пожалуй, время от времени оживляемы мимолетной улыбкой, как солнышко в ветреный день за тучами бесследно исчезавшею. Смоль волос резко выделяла белизну лица княгини, на котором при ярком отблеске золотого парчового платья едва приметно обозначались бледные губы самого изящного ротика. То была красота, поражающая в облике, который время и обстоятельства только и сохранили из очаровательной картины, когда-то дышавшей полнотою жизни и страсти. Цветок этот расцветал в благословенной Италии, среди общества, уже стряхнувшего с себя тяжесть и неуклюжесть средневековья. Взамен старинного грубого варварства в годы расцвета Софьи царила утонченность приемов, напоминавшая цивилизованное общество, недоросшее только до человечности. Грубое убийство громко осуждалось, а изысканное тиранство из мести, по самому ничтожному поводу, считалось не только простительным, но возбуждало еще похвалы и подражание, как признак хорошей породы и умения поддерживать достоинство.

С такими правилами можно отлично воспитать так называемую *благородную гордость* и дойти до бесчувствия к людским страданиям. Можно дойти до выдерживания жесточайших пыток и до полного презрения вообще к человечеству, но мудроно чувствовать что-либо похожее на кротость и снисходительность... Таков и был в действительности характер урожденной деспотицы морейской, княжны Софьи Фоминишны, обученной всем хитростям придворного быта мелких тиранов Италии. Для развития же нравственных качеств снисходительный законоучитель этой принцессы находил необходимым и все заменяющим строгое и безусловное подчинение обрядности да заучивание молитв. Оттого и вышла она примерно исполнительницей наружного этикета. Подчиненность супругу считала долгом, но находила всегда лазейки обходить удобно, стороною, все, что ей не нравилось, не доходя до прямого сопротивления.

Соперница этой гордой государыни, тоже мать (Дмитрия, меньшего внука Иоаннова), была не менее прекрасна. И если в изящности очертаний частей лица должна была она уступить классической красоте Софьи, зато на стороне Елены была молодость. Ей было с небольшим двадцать лет, и смуглый цвет кожи не вредил нисколько миловидности молодого личика, придавая живой, пламенной Елене какую-то особенную увлекательность. Блеск огневых глаз ее брал в плен всякого, кому только доводилось счастье видеть эту красавицу княгиню без фаты.

Не только муж баловал свою прихотницу⁹ Елену, но и сам суровый свекор таял при ее заискиваниях и все ей спускал ради молодости и затейничества – к немалому горю супруги, чувствовавшей превосходство невестки в глазах общего их повелителя.

На представлении Алегама, сидя почти рядом, свекровь с невесткой метали только друг на друга молнии скрытого гнева, но церемония кончилась, и развязка такой натянутой чинности не замедлила разразиться грозой.

В Грановитую палату княгиням пришлось идти рядом, и, хотя Софья занимала на месте своем правую руку, всем приметно было, что первенствовала как здесь, так и при дворе не она. Елена всех дарила победоносной улыбкой, тогда как бледное лицо Софьи подернуто было облаком кручины. Сомкнутые уста ее приветствовали тоже, но веяли холодом. Искусно сыграть свою роль в этот день ей удалось не вполне, и утомление от бесконечности предстоящего притворства ожесточило надменную супругу Иоанна. Она уже кипела гневом, когда совсем затихли шаги последних царедворцев, вышедших из Грановитой, и княгиням нужно было двинуться к себе.

– Пойдемте! – сказала с живостью Елена, откинув фату. – Мне ужасно надоели эти татарки, и ризы-то эти точно пудовики висят, совсем плечи оттянуло... Пойдем!..

– Изволь, государыня, Елена Степановна, приобождать

⁹ Прихотница – прихотливая, у кого много прихотей.

маленько; государыня Софья Фоминишна, по уставу, пойдет первая... Присядь, пожалуй! — сказал Образец. Елена гневно взглянула на боярина Василия Федоровича и снова присела на свое место. Софья оглянулась на нее гордо, и улыбка, значение которой поняла только невестка, проскользнула мгновенно по ее бледному лицу. Величаво оправив свою фату, княгиня медленно пошла с боярином из палаты. Елена тоже с живостью встала, но на втором шагу, в поспешности, наступила на конец платья Софьи, так что великая княгиня должна была остановиться... Софья оглянулась и вопросительно посмотрела на Елену, не скрывая уже своего гнева. Елена отвечала на эту вспышку насмешливой улыбкой и сама отвернулась: казалось, тем и кончилось; княгини пошли чинно на свою половину.

Иоанн жил в верхних теремах, где была и опочивальня Софьи, но днем она редко там бывала, разве государь приказывал. В первые годы после женитьбы Иоанн любил, чтобы прекрасная и умная Софья, по связям и пребыванию в Риме ознакомленная с современными политическими обстоятельствами Европы, рассказывала, как и что на Западе делалось. Но прошло уже пятнадцать лет счастливого супружества, и участие царевича Иоанна в государственных делах совсем заглушило речь советчицы мачехи. Софья не без горести убеждалась также, что власть Елены над мужем готовит ей еще более грустную будущность, потому хитрая принцесса с умыслом начала отдаляться от вмешательств во внешние

дела и проводить время в кругу только детей своих. Первых двух дочерей, Елены и Феодосии, уже не было на свете, скончались они во младенчестве. Заменили их все другие одноименные, и они да три сына составляли земной рай великой княгини. Дети и внуки Иоанна пестовались на руках боярыни-княгини Холмской. Частые военные тревоги удаляли постоянно князя Даниила из Москвы; княгиня его, бросив дом свой и взяв с собой малолетнего сына Васю, уже шестой год проживала с ним в нижних теремах, служа второй матерью и своему, и государевым детям. Государь с переездом княгини в терема никогда не входил в детскую половину, не желая беспокоить доброй своей воспитательницы, всюду величая ее сродницей, хотя это родство, как говорится, было восьмая вода на киселе. Дети каждое утро приводились княгинею к государю. Иногда же и днем звал он их к себе, а вечерами проводил с ними постоянно час-другой в разговорах, испытывая детский ум и подмечая характер да нравственные свойства. Жилье в подклете верхних теремов было отдельным миром, куда не смела показываться дворцовая администрация, действительно уже никак там не применимая, где и без нее было три правителя: Софья, Елена и княгиня Холмская.

Роль княгини Авдотьи Кирилловны Холмской была при соперницах в высшей степени трудной. Только ангельской доброте ее удавалось, хотя не всегда, мирить противниц, и то в редких случаях, несмотря на привязанность к ней обеих.

Одно слово княгини Авдотьи Холмской заставляло баловня общего – своенравную Елену – сохранять почтительность к мачехе-свекрови. К несчастью, день, с которого начинается наш рассказ, был первым явлением драмы, где благодушная примирительница увидела вполне свое бессилие помочь горю.

В темном переходе, разделявшем теремное царство на две области, были две двери, одна насупротив другой. Одна вела на детскую половину, другая – в покой Елены. Тут надо было княгиням остановиться и проститься. Софья первая встала у дверей и ждала почтительного слова невестки, но Елена, остановившись у своих дверей, казалось, ожидала, чтобы начала мачеха. Изумленная этим вызовом на объяснение, Софья вспыхнула не к месту.

– Дочь моя! – сказала она с гордостью. – Не люблю мне напоминать тебе твою обязанность...

– Да и не трудись. Я сама ее знаю...

– Этого я не замечаю...

– Да и не просят! Я настолько выросла, что нянек, кажется, не требуется. Уж свой дядька есть...

– Только плохо жену в руках держит.

– В руках не держат того, кого любят. Ваня знает, что у Алены нет греческой хитрости...

– Зато волошское невежество, что гораздо хуже...

– Не всякой же быть греческой кралей! Лисьего норова перенимать не к лицу мне и не стану; не буду заводить собо-

ров и не умею прельщать души лестью лукавой.

– Куда тебе!

– Чем богата, тем и рада! – поддразнивая свекровь, ответила Елена, прибавив: – Да мы на этом еще не кончим... Ужо кое-кому можем порассказать... кое про что!

– Плюю я на твои рассказы бессовестные да на ложь... злобную...

– Господи! – всплеснув руками, вступилась княгиня Холмская. – Ну что из этого выйдет?.. До государя дойдет!..

– Да... Он все узнает... – прервала Елена.

– Нам правды нечего бояться! – с живостью откликнулся Вася Холмский.

Его выходка, как неожиданный поток воды, залил начавшийся пожар. Обе княгини опомнились и поняли свои ошибки. Не сказав слова, каждая бросилась в свою дверь; в переходе остались только посланные государевы с приветом к великой княжне и княгине Холмской.

– Ну, притча! – сказал Русалка, обращаясь к боярину Василию Федоровичу Образцу. – Промолчать нам нельзя, а дело неладно. Государь шутить не любит. А государь без Патрикеева, Ряполовского и без нас, своих бояр, домашней смуты судить не станет. А у одних из нашей братии лисьи шубы, лисьи умы и речи... Как думаешь, боярин?..

– Чего тут думать? – ответил с неохотой Образец хитрому ворогу своему. – Стояли мы твердо перед лицом смерти – не пятились. И теперь – тоже... Ложью нашей службы не за-

пятнаем.

– Все то правда, боярин! Да час не ровен.

– Да если вам, бояре, не любо смутить государево сердце тяжкою правдой, повелите мне, своему холопу, – отозвался Никитин, – я такой же свидетель; я человек двору чужой и крамолам дворским не причастен.

– Незнамы, как тебя зовут, купчина! Видно только, что ты муж разумный и ученый и душою непорочен, – ответил благодушный Образец.

– Нет у нас крамол-от, – отозвался Русалка, – да и ладу нету между себя... Так, зацепки да перетрухи старого, какие ни на есть. Да за нами, слышь, коли правду молвить, и заслуг-то нет; по десятку побед за каждым, так это случайное вено, Божий дар, с его святой воли удача.

– Вот князь Данило Холмский, тот другого поля ягода, – ответил Образец. – У того и разум и меч одинаково остры.

– В чести да в знати опять есть: Руно московский, богатырь и палатный ум; примерно князя Оболенские: Стрига да Нагой – посольское дело и ратное поле у них в мошне, – перебивая Образца, заметил Русалка. Образец взглянул на выскочку и продолжал: – За ними князя Шуйский, Беззубцев, Пестрой Звенец. А мы, друг сердечный, одно слово: Образец мы только. И не княжьего рода. Да у всех тот, вишь, недостаток, что у нас честность не пенязь какой разменный, язык не о двух остриях, мы стоим и ходим по правде, – смиренно закончил обиженный герой, давая знак гла-

зами Афоне, чтобы он остерегался Русалки, ничего не замечавшего. Верный себе, Русалка между тем вкрадчиво стал чернить свою партию, без сомнения ожидая, что выскажется Образец и брякнет непригожее слово.

— Что, к примеру, сказать, — начал хитрец, скорчив вполне откровенное и искреннее лицо. — Что нам такие люди, как Патрикеев, государев сродник, первый боярин, да какая-нибудь Ощера аль Мамон, грязь золоченая, на словах загоняет... Боевого слугу государева, — и сам с злой улыбкой подмигнул Никитину на Образца. — Да что тут толковать. Пойдем свое дело исправим, а про сегодняшний случай, чай, прежде нас до государя уж дойдет. Наушников немало, видишь, про собор-то уж художница свела.

— И как не сведать, когда на соборах вся греческая сволочь бывает...

— Пойдем, пойдем! Никто, как Бог, авось все это пустельгой рассыплется... — заключил Русалка и бережно отворил двери.

Посольство вошло в передний покой, в котором на полавошнике¹⁰ сидел наклонившись старый истопник, богато одетый...

— Поди, — сказал ему Образец, — и доложи...

— Да ступайте без доклада, — отвечал старик, не поднимая головы и не смотря на вошедших. — Кому нельзя, тот и сам

¹⁰ **Полавошник** (полавочник) — половик или полотенце, холст, ковер для покрытия лавок.

в терем не пойдет...

Трое посланных двинулись дальше. Двери в следующую палату были отперты, так что видно было, как великая княгиня в слезах сидела в креслах, на коленях у нее сидела двенадцатилетняя Елена. Десятилетний Василий и Феодосия целовали руку матери и, заливаясь слезами, утешали ее: «Не плачь, мама, не плачь!..» Княгиня Авдотья Кирилловна сидела у другого окна и строго выговаривала своему сыну Васе за неуместную, дерзкую горячность.

– Что же, матушка, – отвечал он покойно. – Так мне, потвоему, надо было молчать? Я что знал, то спроста и сбредил; коли дурно – виноват.

– Перестань, повеса.

– Перестану, а все едино люблю Софью Фоминишну, не дам в обиду хотя бы самой покойной Марфе Инокине.

– Спасибо, Вася, – сказала Софья, улыбаясь сквозь слезы. – А за что ты меня любишь?..

– За привет да за ласку, да еще... Как бы тебе сказать?

– Ты подумай, Вася, – отозвалась Софья, – а пока матушка княгиня примет государево посольство. Они шли к тебе. О, как жаль, что наша глупая ссора уменьшит твою радость. Но, Бог свидетель, не я виновата...

– Радость! Какая радость!

– Радость великая! – сказал Щеня, вступая в палату.

– Здравствуй, князь! – воскликнула княгиня Холмская. – Уж и это радость, что тебя, друга нашего, вижу в нашем мо-

настыре.

– Да сюда к тебе нет дороги, кроме ближних сродников.

– Нет, князь! Кому государь разрешит, те у нас бывают, а уж кому-кому, а льву своему Иван Васильевич не откажет. Ведь допустили же теперь...

– Теперь мы от лица государя...

Княгиня встала, почтительно преклонив голову. Щеня продолжал:

– Повелел государь объявить радость великую и досто-славную, радость на всю Русь крещеную. Доблестный супруг твой, изволением Божиим, взял Казань крамольную и пленил царя Алегаму!..

Княгиня обратилась к иконам и перекрестилась.

Вася подбежал к ней, встал на колени, и слезы засверкали на голубых прекрасных глазах юноши. Не одни они молились, Елена спрыгнула с колен матери и, встав возле Васи, повторяла за ним слова молитвы; невольное чувство торжественного благоговения увлекло всех, встала и Софья и воздела очи к небу, а дети, едва ползавшие по полу, глядя на пестуншу свою, складывали нежные пальчики и усердно осеняли себя знамением креста. Княгиня едва могла встать от преизбытка радостных чувств, и то с помощью Василия и Елены.

– Государь, – молвил теперь Щеня, низко кланяясь, – приказал у тебя, княгиня Авдотья Кирилловна, спросить о здоровье...

– О, я больна, друг дорогой, но всякая жена позавидовала бы моему недугу... По делам великим возвеличивает Господь государя великого! Луч славы его пал на моего господина мужа, а на твоего отца, Вася. Не умрет наше темное имя... Дайте мне наплакаться благодарными, сладкими слезами... Вы видели их, послу любезные, поведайте о них моему и вашему отцу государю. Жаль, что не знаю посла третьего.

– Я, государыня княгиня, коли знать желаешь, тверской купчина, возвратился вчера из Индии, из-за трех морей; государь не по заслугам взыскал меня сегодня великою своею милостью, удостоил чести поднести государыне от его великого имени дар редкий и многоценный...

Софья взяла четки и, не рассматривая их, обратилась к Никитину:

– О, довольно! Довольно! Государь, видно, забыл, что я немощная старуха, у меня неостанет сил перенести столько милостей! Мне ли держать в руках такое сокровище!

– Боже мой, как это хорошо! – вскрикнула Елена, взглянув на персидские четки. – Как жар горят! Вася, не правда ли, из этого лучше бы сделать ожерелье?

– И надеть на твою шею! Тогда бы эти четки стоили вдвое дороже...

– А ты бы любил меня вдвое?

– Ну уж это трудно!.. Дунечка ненаглядная, родимое мое солнышко. На что тебе эти четки? Подари их Ленушке!

– После моей смерти я завещаю их княжне Алене Иванов-

не!

– Ай да Дуня, моя самоцветная! Сердись не сердись, а поцелую...

– Простите, дорогие послы, моему резвому недорослю. Шалун он большой, но сердце доброе, таким, говорят, был отец его...

– Да буду ли я таким на старости, как отец мой? – спросил юноша, задумавшись...

– Лишь бы добрая воля...

– Воля-то моя вся тут, да будет ли Божья?

– Молись...

– И за этим дело не станет, но что моя молитва – у Бога таких, как я, много.

– Вася, мы все молиться будем, – сказала княжна Елена, положив ему на плечо руку. – И я, и мама, и тетка Дуня, и Федосья...

– Разве тогда... – и юноша развеселился. – О, да как же я служить буду? Что мне Казань! Что мне рябой Алегам! Царьград возьму, привезу салтана турецкого на Москву в клетке. Только, как ты себе хочешь, государыня Софья Фоминишна, а уж брата твоего Андрея Фомича на царьградский престол не пушу...

– Не напоминай мне об нем, батюшка! Это... горе мое. Подумай, княгиня, сегодня опять на выходе не был; Иоанн все видит, пустое место его так мне глаза и кололо... И где он пропадает?

– Я могу тебе донести, матушка государыня, – запинаясь, вмешался в разговор Вася. – Но не знаю, порадуетесь ли...

– Хоть и больно, а все лучше знать... – грустно промолвила княгиня.

– Он каждый день у нашей хозяйки в гостях.

– У какой хозяйки?..

– А у которой отец Мефодий академию занимает... у вдовы Меотаки.

– Довольно... Довольно! Я одного боюсь – рано проговорится; и если правда – беда! Признаюсь, я в таком положении, что не смею и разведывать: Елена Степановна не пропустит случая сплести страшную повесть...

– Поручи, государыня, мне, – с поклоном произнес Никитин. – Обманывать тебя, матушка, не буду, а к Андрею Фомичу мне и без того есть надобность.

Софья недоверчиво посмотрела на Никитина и, помолчав, сказала:

– Как же ты челобитствовал нам от него... а сам... мне послышалось... не близок к нему. Благодарю. Я хотела бы только узнать, правда ли, что он готов жениться на этой женщине?

– Ого! Греческий император на греческой купчихе! – воскликнул Вася.

– А ты как знаешь?

– Как же мне не знать про нашу хозяйку. Вот вчера еще мне про нее говорил молодой Ласкир, когда я был с ним на

учении у отца Мефодия... Там их много, греченят, ходит. И другие ее знают.

– Что же про нее рассказывают?

– То есть, как бы это тебе доложить. – Вася замялся. – Я то не в доклад и понял. По моему толку, она баба злая, много шалит, только шалости у нее не такие, как мои, дурные шалости; вот говорят, сребролюбива, да признаюсь, так как я Андрея Фомича не жалую, так и рассказы мимо ушей пропускал; притом же я боялся, что войдет отец Мефодий, спросит урок, а у меня на этот раз не совсем было готово, так я только крайчиком уха слушал, а памятью весь в греческую мудрость освободил Зою из-под турецкого гаремного ярма.

Вошел Патрикеев, и беседа прекратилась.

– Государыня Софья Фоминишна! – сказал он весело. – Государь просит.

– Буду!

– Государь теперь же просит...

– Иду!

– Не изволишь ли приказать проводить?

– Я дома, князь! Дорогу знаю.

«Погоди же, – подумал князь, уходя и подозрительно поглядывая на послов. – Эти сидят, а мне и места не предложили. Погоди! Погоди!...»

– Вы догадываетесь? – спросила Софья, приподнимаясь с места. – Вы были свидетелями всего, так вы вместо меня и отвечать будете государю. Надеюсь, вы не забыли ни одного

слова и повторите, как все было. Больше я ничего не требую.
Пойдем!

III. Сватовство

Близ того места, где теперь Нескучное, на Москве-реке, на городской стороне, красовалась Греческая слобода. Деревянные домики, как в кудрях, укрывались в темной июльской зелени лип и кленов; хотя она и называлась Греческою, но тут жили также итальянцы, немцы и даже жидаы. Брат великой княгини Софьи, Андрей Палеолог, проживал на государственном дворе за Москвой-рекой, или, по крайней мере, так полагали, потому что с тех пор, как он выдал дочь свою Марию за князя Верейского, он почти не бывал в своем жилище, а проживал у греков, перебравшихся в Московию из Рима вместе с Софьей и более из самолюбия, нежели по чувству показывавших вид почтительного уважения к последнему потомку владык византийских, наследнику имени царьградского престола. Дорого стоило им это уважение, потому что Андрей не только для себя, но и для гостей требовал царского приема, обильных угощений, поздних пиров; надоедал своим мнимым подданным до того, что доходило до ссоры. Поссорясь сегодня с Ласкиром, он переезжал к Ивану Рало; поссорясь с ним, отправлялся к Меотаки, богатому купцу, и так далее. Перессорясь же со всеми, начинал очередь снова, мирясь и опять ссорясь; он наезжал было и на итальянские дворы Фиораветти Аристотеля Алевиза, Петра Антония Фрязина, придворных зодчих, пушкарей, Дебосиса

и Петра Миланского, но тут, угостив сытным столом, умели наскоро выживать гостей из дому, извиняясь, что хозяину предстоит срочная работа. За огромным пушечным двором Дебосиса, который стоял уже за слободой, тянулась узкая, темная и грязная улица; тут жили немцы и жидаы, само собою разумеется, тайные, потому что, кроме Новгорода и Пскова, нигде они не жили на Руси открыто. В этой слободе, или отделении Греческой слободы, были только три порядочных дома, но один из них, лекаря Антона, был наглухо заколочен; уже третий год никто не решался купить этот дом у наследников: имя несчастного хозяина наводило ужас на слободян. Врач Антон не вылечил Даниярова сына, тот умер, а врача выдали головою сродникам, которые и зарезали его на Москве-реке под мостом. Другой красивый дом принадлежал мистру Леону, тоже врачу, а третий – немецкому гостю Хаиму Мовше. И врач и гость были жидаы, но первый называл себя итальянцем, последний – любчанином... Андрею Палеологу было уже далеко за пятьдесят, но крепкое сложение и беззаботный нрав были поводом, что в волосах у него не было седины, а на лице ни морщинки; лицо его было правильно, приятно и свидетельствовало, что в молодости он был знаменитым красавцем. Любимейшим местопребыванием Андрея был дом Аристарха Меотаки, старого и весьма богатого купца; у него была молодая жена ослепительной красоты, и хотя осторожный и ревнивый Меотаки употреблял все предосторожности, чтобы никто ее не уви-

дел, но, на беду, Андрей догадался, отчего Меотаки так тщательно ее скрывает, и принял свои меры. Меотаки скоропостижно умер. Андрей распорядился похоронами и освободил Зою из-под турецкого гаремного ярма.

Возвращаясь из Кремля с Леонидом, сыном Иоанна Рала, своим молодым наперсником¹¹, Андрей у самых ворот Греческой слободы повстречал мистра Леона, который, в богатой одежде, на великолепно убранном коне, ехал в Москву; за ним двое слуг везли походную аптеку и хирургические инструменты.

– Принчипе! – сказал по-итальянски мистр Леон, удерживая своего коня и слезши с лошади. – Я рад, что тебя вижу.

«А я очень не рад», – подумал Андрей, с приметным отворачиванием и боязнию взяв за руку жиловина.

– Кого едешь морить?..

– Спасать, следовало бы сказать; по крайней мере, заплатить. Позволь, принчипе, на одно слово... Меотаки на кладбище...

– Знаю.

– А где же сто златниц?..

– Безумец, да разве я обещал?..

– Когда я лечил его, не ты ли сказал Хаиму: «О, я дал бы сто златниц, если бы мой друг Аристарх переселился на двор отца Мефодия».

¹¹ **Наперсник** – друг и доверенное лицо, которому поверяют сокровенные мысли и тайны.

– А! Так ты убил его?.. Ты отравил несчастного?.. А я думал, что мой бедный Меотаки умер естественною смертью. Постой же, поганый жидовин! Я раскрою твоё скверное дело, не то подумают, что я твой сообщник... Я мог сказать, я мог желать смерти Меотаки, но сулить, подкупать... О! Да ты злодей, и находишься при дворе сестры моей, – это опасно...

Мистр Леон побледнел.

– Принчипе, – сказал он, оглядываясь. – Ты хочешь погубить меня и очернить себя, а я был тебе полезен, могу и ещё быть тебе полезным...

– Едва ли! Откровенно говорю тебе, что, если бы я встретил смерть лицом к лицу, уж тебя бы не позвал... Но помириться с тобой я, пожалуй, готов...

– И поверь, что я буду тебе союзником лучше многих.

– Согласен! Но скажи, куда ты это так разрядился?

– В Кремль! Ездовой прискакал: Елена, царская невестка, занемогла...

– Елена! – воскликнул Андрей, задумчиво посмотрев на врача. – И ты не спешишь? Болезнь, видно, не опасна...

– Да, дурнота, – отвечал жид, принужденно улыбаясь. – У нее это часто бывает...

– То есть, когда надо повидаться с мистром Леоном и спросить у него о том да о другом...

– Неблагодарные! Откуда же вы все узнаете про придворные дела? Вы знаете, что затевают противу вас Патрикеевы и Ряполовские, владеющие умом молодого князя и Елены. Уж

не Мовша ли твой сидит мухой на теремных обоях и подслушивает? Если бы не... Да что говорить! Неблагодарность – идол человечества. Если я умою руки, вас всех живыми съедят Ряполовские. Сегодня по закате солнца соберутся ко мне добрые люди; приходи – увидишь, услышишь!

И Леон не без труда влез в седло и поспешил в Москву со своими помощниками. Андрей задумчиво смотрел ему вслед.

– Ваше величество! Кажется, беседа с мистром Леоном была не совсем приятна? – сказал Рало, подходя.

– Ты угадал, Леонид! Я боюсь этого жидовина; напрасно вы привезли его из Италии.

– Государь московский нам поручил привезти врачей и художников; мы могли залучить охотников, а кому охота ехать в Москву, особенно после смерти Антона. Удивляюсь, как нам удалось привезти и этих семерых; правда, из них только один грек, наш сродник, и один итальянец, оружейник, – все остальные жида. Впрочем, мистр Леон и в Италии был в славе...

– Рало! Я боюсь его! Он кует противу нас злое дело.

– Я слышал, что у него собираются многие бояре, противники Патрикеева и Ряполовских; странно, что в то же время он в чести у Елены, а ты знаешь, как любит Елена мою сестру, ее детей и всех нас... Поверь, что он служит двум господам и с обоих берет большие деньги.

– Такой предатель не страшен. Важной тайны он ни тут,

ни там не проболтает; он мелочной и фальшивый торговец, и должно надеяться, что скоро попадется, как попался Антон. Одно мне не по сердцу: это то, что ему очень нравится Зоя.

– Моя Аспазия! Это ты с чего взял?..

– Моя! Ох, эта Аспазия пока ничья; беда в том, что многие могут считать ее своею...

– Ты с ума сошел, Леонид; если она не сдастся мне, так, надеюсь, другие...

– Другие. Я не хочу сердить твое величество.

– Вздор, говори, я требую...

– Другие моложе... Другие богаче... Хотя положительно я и не смею сказать про Зою, что она отдалась уже кому-либо, что уже есть счастливцев... Нет! Но Зое хочется замуж; она сманивает не любовников, а женихов, чтобы было из кого выбрать...

– И ты знаешь хоть одного из них?..

– Всех!

– И ты молчал, и ты мне друг!

– Я жалею даже, что теперь проговорился, я боюсь нрава твоего; ревность...

– К кому? Неужели к мистру Леону?..

– И этот недурен, но Ласкиров сын Митя – красавец; живописец Чеколи богат и наружностью, и способностями; ты сам восхищался портретом Зои; а когда Чеколи поет, Зоя та-ет, млеет; этот из жениха легко может поступить в любовники, если захочет. Я люблю тебя, Андрей, и потому не свожу

глаз с Зои; у меня свои лазутчики; ты знаешь, что у нашего отца Мефодия теперь довольно большое училище, туда ходят учиться не только наши, но и дети многих бояр и князей; я видел между учениками князя Холмского, сына знаменитого полководца, видел Тютчева, Образца, детей важных московских бояр; для своей академии Мефодий нанял еще у покойного Меотаки большой сад и там философствует со своими учениками. По смерти Меотаки Зоя, по твоей милости, получила свободу, и это с твоей стороны большой промах; Зоя проводит иногда целое утро в плетеной беседке, разделяющей большой сад от малого; она видима тут и невидима, по воле; тут ее видал Ласкир, здесь она с ним познакомилась; она знает имена всех учеников, расспрашивает о достатке и значении их родителей. Ну, и я знаю всех ее женихов...

– Кроме одного...

– А именно?..

– Тише! Это, кажется, Зоя мелькнула между цветами...

Андрей не ошибся: они проходили мимо Мефодиевой академии. В саду гуляла Зоя, и, к особенному удивлению Андрея, одна; она была одета роскошно, по-восточному: дорогая ткань на платье, ценный жемчуг и камни на шее, пальцы в перстнях; наряд много возвышал очаровательную красоту Зои; в глазах Андрея она никогда не была так хороша, как сегодня. Академические решетчатые ворота не были закрыты, и Зоя порядочно испугалась, когда Андрей и Леонид

поравнялись с нею и первый проговорил:

– Зоя, верно, нас не ожидала!..

– Признаюсь, – отвечала красавица, – я полагала, что вы далече, за царским столом, в царских чертогах... Мне стало завидно; я нарядилась во все то, что у меня было лучшее, вышла в сад и стала мечтать, будто я царица. О, так мечтать весело...

– Мечты – сны наяву, Зоя, а они иногда сбываются!..

– Андрей, я знала, что ты насмешник, но не думала, что захочешь обижать бедную вдову...

– Неправда, милая Аспазия...

– Постой, не повторяй более этого ненавистного имени! Ты пользовался моим невежеством и называл меня унижительным именем, Андрей! Кто дал тебе на это право! Разве то, что я умела отвергнуть твои требования, и за это я Аспазия! Верю, что предки твои были нашими царями, но не ты, Андрей! Я уважаю в тебе твоих предков и потому только не жаловалась на тебя московскому государю. И не пожалуюсь, если дерзость твоя к тому не принудит... Но я имею право требовать и требую, чтобы ты оставил дом мой и уволил меня от обидных посещений!.. Я сказала свое! Прощай!

Зоя вспорхнула в плетеную беседку, и дверь захлопнулась.

– Вот тебе раз! Кто это так искусно растолковал ей про Аспизию?..

– Молодые академики! О! Они не тому еще научат Зою.

Впрочем, нет худа без добра. Я знал, что в этой интриге ты ничего не выиграешь, только истратишь много денег и времени. Благо, что все кончилось...

– Кончилось? Ты ошибся, Леонид, – начинается! Конца ты никак не ожидаешь, но все равно. Надо поспешить, чтобы господа академики не предупредили. Их мудрость опасна...

– Что же хочешь делать?

– А вот увидишь.

– Я знаю, что ты хочешь делать, – прошептала тем временем Зоя, лукаво улыбаясь. За густую зеленью своего трельяжа она была невидимый зрительницей всего, что происходило в большом саду... Но едва только Палеологи ушли, как лукавая улыбка сменилась грустным выражением лица; Зоя присела и, отодвинув густую зелень акации, с приметным нетерпением глядела в сад.

– Уж не ошиблась ли я? – опять прошептала Зоя. – Академии поутру не будет, так сказал вчера Константин, зато ввечеру они хотели собраться пораньше, солнце склонилось, а никого еще нет...

– Мир дому, счастье и веселие прекрасной хозяйке, – сказал женский голос в малом саду или, правильнее, в цветниках Меотаки...

«Ведьма, ты опять здесь!» – подумала Зоя и отвечала:

– Милости просим.

Вошла женщина лет сорока, приятной наружности. Хотя она была в немецком платье, но по лицу и выговору нетрудно

было догадаться, что это была жидовка. Кивнув весело Зое, она без чинов уселась на низенькой софе возле хозяйки и лукаво спросила:

– Кого высматриваешь?

Зоя покраснела, но отвечала с притворным спокойствием.

– Мистра Леона! Мне что-то нездоровится...

– Зоя, от твоей болезни Леон не вылечит. Только дивлюсь я и тебе, Зоя, ведь тебе уже двадцать лет миновало, ты не ребенок; какого ты найдешь себе приятеля между этой безбородой молодежью, ведь это все дети...

– Я люблю детей больше, чем стариков...

– Знаю, на что ты намекаешь. Только ты, по-моему, несправедлива, Зоя! Андрей не стар; что это за старость? Мой муж, Хаим Мовша, десятью годами старше царевича, а все еще молодец; и Палеолог, на мой глаз, красавец.

– Может быть, для иных и так. Да не в том сила, соседка! Ты умная и ловкая баба, а не можешь понять, что кто бы твой Палеолог ни был, но никому не охота быть его наложницей...

– Ты, Зоя, всегда на свой лад перетолкуешь. Ведь он тебя не в гарем посадить хочет, ведь он тебя на замке и на привязи держать не станет. Ты будешь знатной боярыней, сама по себе хозяйкой, подругой...

– Видишь, соседка, я и без того боярыня, потому что муж мне кусок хлеба оставил, я и без его милости хозяйка сама себе, а уж если иметь поклонника, так лучше – в муже, чтобы смело всем в глаза смотреть...

– Мещанская мудрость! Ты, чай, слышала про маркизу Каstellи, она гордилась званием любовницы Палеолога.

– Слышать слыхала, но видеть не видела; слышала я еще и то, что маркизе твоей нечего было есть, а у Андрея водились деньги; я его не виню: как ему моей любви не добиваться, хороша ли я, нет – в сторону, а заплатить долг надо; МеотакИ без расписок в долг не давал, все целы...

– Что? Расписки?! Вспомни, что Андрей...

– Ты хочешь сказать, брат московской государыни? Да ведь московский царь на их византийскую спесь не смотрит. Жену любит и чествует, а нашему Андрею жалованья все-таки не дает, когда нашалит. Вспомни, что князь, верейский князь, сам по себе государь, на Андреевой дочери женился; не посмотрели – как холопа вон выгнали, и вот помяни мое слово, пожалуюсь Патрикеевым завтра – и завтра же Андрея, как всякого другого, позовут к расправе.

– Но чем же он заплатит?

– Если маркиза – без денег – могла по квитаться с ним любовью и стыдом, то Палеологу без денег – тоже гордиться нечем...

– Одумайся, Зоя! Да ты затеваешь такое несбыточное дело, что тебя вся слобода на смех поднимет.

– В таком случае я и буду смешна... Извини, соседка! Ты посол, что ли?

– Помилуй, Зоя! Ты знаешь, как я тебя люблю; одно участие...

– Благодарю и постараюсь заплатить тем же, но только в другое время, а теперь, соседка...

– Понимаю, понимаю! Ты хочешь послушать греческой мудрости...

– Ты угадала! Родная мудрость. Весело...

– Да я тебе не помешаю, Зоя, и так как я тебя люблю, при-
том же мы с Хаимом люди бедные, а ты, Зоя, можешь помочь
нам... Нам все равно, кому служить, а я тебя за кого хочешь
высватаю...

Зоя затрепетала; хотела что-то сказать, но, подозрительно
взглянув на жидовку, как будто онемела; та заметила впечат-
ление последних слов своих и продолжала:

– Хочешь за молодого Ласкира, он у нас самый знатный
жених...

Зоя повела головой отрицательно.

– Хочешь за Чеколи... Ты любишь его беседу.

Зоя сделала то же движение...

– За кого же?..

Зоя отвела зелень акаций и указала на улицу. У ворот ака-
демии на конях три всадника о чем-то разговаривали. Один
был Никитин, другой молодой Холмский, третий был дядь-
ка, или приспешник¹², или как угодно назовите приставника
Васи, мы будем называть его так, как называли его в самом
деле – Алмазом. Зоя указала на всадников в то самое вре-

¹² **Приспешник** – помощник, служитель, соучастник в чем-либо неблагоприят-
ном.

мя, когда князь Холмский указывал Никитину на нее или на беседку, в которой она сидела. Зоя смутилась и опустила зеленые ветви. Жидовка привстала с удивлением и любопытством.

— Губа не дура, говорят русские, — сказала она, присев на софу. — Тут надо приложить много ума и много труда, Зоя! Ведь это князь Василий Холмский, сын первого и знаменитого московского полководца, ты, верно, слышала, что он уничтожил Новгород; я помню это страшное время, мы тогда только приехали из Любека и хотели там купечествовать. На реке Шелони Холмский скопил все новгородское войско; горожан как овец забрали; он ходил противу Ахмата и прогнал Золотую Орду так далеко, что теперь про нее и не слышно; он же побил и железных орденских немцев; а сегодня, ты знаешь ли, отчего в Москве так звонили в колокола? Князь взял Казань и татарского царя в Москву пленником прислал. Московский царь без него ни в какой поход не ходит. Мало того. Жена князя царю сродница. Он ей поручил воспитание детей... Так видишь ли, Зоя, сын таких родителей Ивановой дочери — чета... Да не все же князья на княжнах женились... Велико, Зоя, твое богатство, но красота твоя больше; скажу правду, между русскими боярышнями и тени твоей не увидишь...

Зоя молчала; глаза ее сквозь зелень деревьев впились в юношу, который, простясь с Никитиным, соскочил с лошади, отдал ее Алмазу, а сам, взяв от него большую кожаную суму,

шел мимо к уединенному садовому домику, который вмещал одну довольно обширную палату, или академическую залу... Зоя трепетала и горела; схватилась было уже за ручку дверей, но голоса в малом саду удержали ее.

– Говорю тебе, старик, здесь нет никакого Палеолога...

– Так будет, – отвечал Никитин по-гречески. – Доложи своей госпоже, а об остальном не беспокойся...

Смущенная, испуганная, Зоя взглянула в малый сад и тотчас узнала в Никитине князьего собеседника у академических ворот. Обольстительные догадки заблистали в воспаленном воображении: «Уж не от него ли? Может быть, судьба посылает случай!...» И тому подобные мысли толпились в горячей голове. Зоя с немим вопросом стояла на лесенке, поразив старого Никитина зрелищем истинно ослепительной красоты. Но старик скоро опомнился.

– Ты вдова Меотаки? – сказал он тихо. – Извини, государыня моя, если беспокоил моим приходом. Друг твой, Андрей Палеолог, приказал мне быть сюда...

– Мне не друг этот старый развратник! Нет тут никакого Андрея! Ступай, откуда пришел...

– За что же ты серчаешь, красавица! Не знаю, чем он досадил тебе, а я человек приезжий; привез ему от брата Мануила грамотку и подарки; встретил его на улице, и он велел мне быть сюда... Вот мы и приехали...

– Кто «мы»? – спросила Зоя торопливо.

– Князь Вася да я... Князь мне и дорогу к тебе указал...

– Князь! Много чести! Я никогда не имела счастья его у себя видеть...

– Недоросль еще, зелен, хоть и умен не по летам; ему учиться надо, а не в гости ездить...

– Да что же, гость дорогой, я тебя так невежливо принимаю; пожалуй в хоромы, а я пошлю за Андреем...

– Соседка, – шепнула Зоя жидовке, – где хочешь, отыщи Андрея и приведи сюда...

– Милости просим...

– Глядя на твои цветы, окна, стены, – так начал Никитин, – мне сдается, что я не в Москве, а в Царьграде...

– А ты был там?

– Недолго.

Зоя ввела гостя в приемную палату; она вся была выложена дубом и расписана масляными красками; было видно, что живопись новая и хорошей кисти; на средних дверях красовался портрет Зои работы Чеколи. Никитин посмотрел на портрет, потом на оригинал и сказал:

– Хвалю художника, но и солнце в зеркале вод всех лучей не имеет, так и красота твоя многое в живописании утерала. Не дивлюсь теперь слухам, что ходят по Москве.

– Какие слухи?..

– А ты ничего не знаешь?

– И догадаться не могу, на что намекаешь...

– Я утверждал, что клевета невозможное выдает за истину, а теперь, увидав тебя, убедился, что зависть красоте тво-

ей могла создать и рассеять несбыточную сказку...

– Ради бога, скажи! Злые языки на все способны...

– Говорят, будто ты метишь в родство великой княгине...

Зоя смутилась, но ослабевшие от лет и трудов глаза Никитина не могли этого заметить; тем временем Зоя успела скоро собраться с мыслями и отвечала:

– Вот что! Это очень понятно. Вдовья жизнь, ты знаешь, беззащитная; я говорю с тобою откровенно, потому что твой почтенный вид внушает доверие. Я не скрывала от многих, что, если бы нашелся жених, такой, какого бы я желала, я почла бы себя вполне счастливою. Андрей был знаком с мужем, после смерти его стал навещать меня прилежно; люди знают мои правила и заговорили...

– Аспазия! Ты простила меня! – с этим восклицанием вбежал в палату Палеолог, с непокрытой головой и вообще с признаками некоторого расстройства. Видно было, что он уже успел пообедать. Зоя имела повод испугаться такого неожиданного нашествия и спряталась за Никитина. Палеолог, наткнувшись на него, отступил шага на два, посмотрел на гостя и расхохотался...

– Уж и ты не жених ли? – сказал он со смехом, небрежно бросаясь на софу. – А кто сватает?

– Твоя милость, верно, забыл нашу встречу у кремлевских соборов?

– Да, да! Ну садись, рассказывай!

– Рассказ мой короток. Был я в Царьграде, видел...

– Остальное я знаю. Видел Мануила, дорогого братца, хлопоствует Магомету и десяти тысячам жен его...

– Нет, он живет тихо и скромно на своем подворье! Султан осыпает его благодеяньями.

– Благодетель! Нечего сказать! Назови лучше вор, который подает милостыню из той же кисты, которую украл у того же нищего. Мануил не гнушается этою милостыней, я его знаю: он сам себя называл человеком точным и добропорядочным. Скряга!

– Однако же он через мои руки посылает эту грамоту и этот ларец.

– Грамоту после прочтем, а ларец. Покажи. Вот это дело! Вот это на брата похоже: камни, жемчуг, золото. Вот это так, пригодится для нас с Аспазией...

– Ты правду сказал, Андрей, – сказала Зоя, выхватив ящик из рук Палеолога. – Пригодится, будет служить закладом, пока ты не уплатишь мне долга по записям. Прощай!

– Зоя! Ты смеешь!

Но Зою уже не было, дверь отворилась и захлопнулась, вместо Зои Андрей силился схватить ее живописное изображение, с насмешливой улыбкой глядевшее на него с дверей.

– Зоя! Отвори! Я выломаю двери!

– Не трудись! – отвечала она со смехом. – Я уже послала за моими слугами. Пришли деньги, я отдам клейноды, – а пока прощай и уволь меня от твоих посещений. Почтенный гость расскажет тебе, какие слухи ходят по Москве...

– Какие слухи?

– Я исполнил поручение Мануила; не думал, что оно кончится так неприятно... Теперь я должен исполнить тягостное поручение Патрикоева...

– Что? Не хотят платить жалованья? Хотят даром у меня выманить наследство Греческой империи?..

– Напротив того. Патрикоев поручил передать твоей милости, что государь изволил много смеяться твоей грамоте, в которой ты предлагал уступить право на восточную империю за две тысячи пудов серебра.

– Смеяться!

– Патрикоев наказал сказать, что если Бог поможет выгнать турок из Царьграда, так у государя на тот престол все права есть и по единой вере, и по супруге... Что права те уже в великокняжеском гербе означены; а если покупать за деньги, так никакой казны не станет, потому что права те надо скупать у всех Палеологов, а их больно много.

– Врет Патрикоев; я старший сын Фомы, старший племянник императора Константина! Я один наследник! А если не хотят, так жалеть будут, потому что я продам мое право Фердинанду испанскому; сами будут жалеть, что империя достанется латинцам! Я не виноват: меня принудили; довели до разорения, не платят жалованья...

– И об этом Патрикоев просил сказать, что жалованье твоей милости выплачено вперед до конца года, а теперь еще июль месяц; что до первого сентября ничего не дадут; а ес-

ли ты захочешь из Москвы уехать прогуляться, то на подъем дадут тысячу рублей и казенные подводы...

– Выживают! Не любо, что я этим золотым холопам, что у них боярами зовут, не кланяюсь? Скажи им, пускай дают деньги, завтра же уеду...

– Деньги-то отдадут приставу, который тебя, для почета, провожать будет...

– Не хочу никаких почестей, презираю этим нарядным величием; я философ, смеюсь над суетою; независимость и любовь моей Аспазии – вот чего я добиваюсь на этом свете...

– И об этом толковали бояре...

– А им какое дело?

– Не знаю; только рассуждали о том, что тебе на Зое жениться нельзя...

– Ого! Что же? Уж не бояре ли мне запретят? Так поди же и скажи этим боярам, что я их завтра же прошу на свадьбу сюда в дом Меотаки, в дом моей невесты, а завтра жены.

– Твоя милость шутит...

– Холоп! Ты слушай, что тебе велят! Слышишь ли, завтра, как Бог свят, как люблю дочь мою Марию, загнанную, посланную в ненавистную Литву с ее знаменитым мужем теми же подлыми боярами, клянусь Христом и Пречистою Матерью – завтра я женюсь на моей Аспазии, а вы себе толкуйте и рассуждайте, сколько вам угодно. Аминь!

– Ради самого Бога, вспомни, Андрей Фомич, что этим браком ты раздражишь и так уже гневного Иоанна...

– Да он-то мне что? Я ему благодетель, что позволил татарскому даннику жениться на моей сестре, племяннице императора; я его осчастливил и возвеличил, а он из благодарности велел от щедрот своих выдавать мне на харчи по полтине в сутки! Царское содержание! А сам-то любит блеск и пышность. Ты у него не обедал. Последний раз за трапезой больше трех сотен было; все ели с серебряных, а многие с золотых блюд; вино пили из таких тяжелых стоп, что если бы одну продать Хаиму Мовше, то месяц можно прожить. Знаю, что все это он наградил в чужих городах. Мало своей казны, так он казну новгородских богачей и разных больших и малых князей к своей приписал... Так не трудно разбогатеть; да что я? Он был рад от меня избавиться: родство для него паутина, знай сметает. Деспота верейского, деспота тверского, близких родных, смёл; ты не слышал, что поговаривают про родных его братьев Андрея и Бориса? Говорят, и на них острит зубы... Так чего мне ожидать от великих щедрот Ивановых?

– Но государыня Софья Фоминишна?

– Сестра? Было время – она вела себя как следовало и нас в обиду не давала... С тех пор как сын его женился, как эта чернявка стала ногой в теремах Иоанновых, все пошло наыворот; вот четвертый год исходит; ни подарка не пожаловал ни супруге, ни мне, а невестку то и дело одаривает, даже сестриными вещами... Теперь у него советники – Елена, Патрикеев, Ряполовский, Ощера, Мамон... Все хороши!

Видно, что ты, брат, с нового света приехал. Ты ничего не знаешь про московские тайные дела...

Палеолог подошел очень близко к Никитину и сказал тихо:

– Старик! Не верь Патрикееву! У него злое сердце; кто не хочет быть орудием его подлой воли – тот ему враг... Ты, сколько вижу, старик добрый, да на Москве новый! Тут теперь такой содом, что беда; давно бы уехал, да проклятый долг меня мучил и связывал, и денег не было. Благо, что за ум взялся. Конечно! Женюсь – и уеду... Вижу, что ты хочешь спорить. Не трать слов попустому. Я решился...

В это мгновение дверь с портретом отворилась. Вошла Зоя и с нею несколько греков и гречанок; Андрей знал их всех; не раз уже эти люди угощали его по неделе и более; Андрей посмотрел на них с досадой и сказал:

– Напрасная предосторожность, Зоя! Ты, верно, слышала наш разговор и не поверила истине слов моих. Ошиблась, Зоя! При всех прошу руки твоей! Будь моей женой! Не требую ответа, вот мое кольцо; поменяемся и поцелуемся...

Греки и гречанки раскричались от удивления и зависти, но Зоя, бледная, дрожа, сняла кольцо, подала Андрею; холодными устами коснулась горящих губ его и лишилась чувств...

– Дадим покой моей прекрасной невесте! Она не ожидала такого счастья, пусть успокоится, а мы пойдем.

Андрей вышел из дома Меотаки вместе с Никитиным;

июльское солнце пышно пылало на закате, вечер дышал упительной прохладой; все было тихо на улице, только у академической ограды переминались с ноги на ногу дорогие кони да раздавалось храпение слуг, почивавших у забора. Андрей шел рассеянно; казалось, он весь был занят своей женитьбой. Никитин хотел проститься, но первое слово приветствия как будто разбудило Палеолога...

– Куда? – спросил он сухо. – Верно, к Патрикееву!..

– К таким большим боярам без зову не ходят. Он наказал мне быть к нему послезавтра, после обедни...

– И ты исполнишь?

– Не могу послушаться приказа...

– Что же ты будешь делать теперь?

– Поеду домой, запишу все, что видел и слышал, помолюсь Богу и лягу спать.

– А! Так ты летописец!..

– Нет, привычка! Многие без того забудется...

– Это и есть история! Если так, то я желал бы, чтобы ты меня узнал покороче. Я уверен, что летописцы многое на меня наклеветают. Знаю, что я ветрен, шаловлив... но сердце у меня не патрикеевское. Хотел бы я... Да вот, кстати! Я всегда избегал придворных крамол и сплетен; я любил жизнь независимую, беззаботную, веселую, с кипучим вином, с лихой песней, с жарким поцелуем... Я не ходил никогда туда, где могли толковать о делах дворских или ковать какой замысел. Но теперь все равно, я уезжаю из Москвы... Эта ста-

тъя кончена... Теперь я могу себе позволить послушать, что толкуют на сходбищах у мистра Леона... Пойдем!..

– Но...

– Что за «но»! Пойдем! Ты летописец – беседа мистра Леона тебе пригодится... Жалеть не будешь. Пока дойдешь, солнце сядет и совы станут слетаться... Вероятно, некоторые, что посмелее, уже там...

– Но кто же этот мистр Леон?..

– Увидишь сам и запишешь как очевидец...

Никитин нехотя повиновался, отвязал своего коня и разбудил Алмаза...

– Не ждите меня! – сказал Никитин и пошел за Андреем, держа поводья.

– Куда же это он? – протирая глаза, спросил Алмаз. – Ого! Да уже и не рано. Заучились! Пора бы и домой; княгиня, чай, в окно глаза высмотрела... Ну, слава те Господи, расходятся...

Действительно, вся академия, то есть отец Мефодий и десятка два юношей от пятнадцати и до двадцати лет разбрелись по аллеям. Учитель и многие юноши ушли или уехали, некоторые доканчивали диспут в саду, к числу последних принадлежали князь Василий Холмский и Дмитрий Федорович Ласкир, сын важного греческого выходца, который был почтен Иоанном и пожалован в бояре. Холмский из всех греков любил одного Дмитрия; образованный, по-тогдашнему даже ученый, Ласкир с познаниями соединял приятную

наружность и светскую любезность... Диспут молодых людей был ненаучного содержания, он велся насчет очаровательной хозяйки...

– Ты должен ее видеть! – говорил Ласкир, самодовольно улыбаясь. – Отец считает меня ребенком, а мне уже двадцать второй год; она моложе меня, она богата...

– Но ты сам говорил, что шалости ее непозволительны и противны александрийскому учению...

– Василий! Я не рассудил об одном, что она тайно беседовала со мной, тайно ездила в государевы сады на прогулку со мной, и только со мной... Ветреница, конечно, но я не знаю соперника.

– А Палеолог, Андрей?..

– Вчера я все узнал! Он насильно хочет быть ее другом... А она не сдастся...

– А она, любезный Митя, она хочет быть его женою – и он сдастся...

– Бабы сказки! Чего не выдумает подозрительность Софьи Фоминишны. У вас там в теремах, я думаю, каждый день новые вести. В день, я полагаю, сто человек переженят и разведут. Удивляюсь, как тебе не скучно в этой бабьей клетке...

– Ах, Митя, если б ты знал, как там весело! Правда, маленькие дети иногда подымут такой визг и писк, что бежать приходится. Зато дети и спят много; тогда мы отличаемся. Я старший, всему начало; потом, у меня сподручица Елена. Такого другого ангела на земле нет. Разве Феодосия переще-

голяет, но та еще мала... А уж как умна, никогда с детворой не возится, всегда с нами...

— Да что же вы делаете?

— Что? Играем в жмурки, после поем церковные песни; ну, Митя, если бы ты слышал этот удивительный голос, чистый-чистый, кажется, будто с неба льется; уж как придет время петь, смейся не смейся, а у меня в груди так душа и разболится; мутит, душно, пока не запоет наша Леночка. Недаром ее все сорок нянь теремным соловьем называют.

— Сорок нянь... Да это у вас бабий полк... А мужчин совсем нет.

— Как нет? Василий, он уже десяти лет; мальчик умный, мы с ним очень дружны; есть теремной дворянин, Стромиллов, у него помощники да прислуги; вот Алмаз, он, правда, наш холоп, но к дворской челяди приписан и окладом пожалован...

— И все вместе...

— Как можно? На мужской половине Стремилов голова, а на женской няня Кирдина; утром к молитве все ходимся; помолимся, тут государыня придет, мы ей поклонимся и завтракать станем, если обедни нет, а есть — с нею к обедне идем; нас всех за золотой решеткой устави́т, там мы литургию и слушаем; потом с Софьей Фоминишной дети пойдут наверх, там недолго остаются; воротятся — давай учиться; отошло ученье — пошли игры или в сад поведут. Потом кушать усядемся, а там опять играть; вот эту пору я больно

люблю, потому что на утренние игры не всегда успеешь, с вами засидишься. Зато вечером... Такой гром подыдем, что государь сверху присылает, наказывает, чтобы дети потише играли... Ну да и этого скоро не будет; говорят, теремной каменный дом скоро поспеет, тогда государева рабочая палата от нас подальше будет...

– Вася! Вася! Да неужели ты хочешь навсегда в теремах оставаться?

– Как навсегда?

– Удивляюсь, что отец теперь уже не берет тебя с собой на войну...

– На войну! Да что ты это? С чего ты это взял? Оставить терема, матушку, моих друзей. Я умру с тоски...

Ласкир с нежностью смотрел на Васю; добродушная, невинная привязанность Василия обличала состояние сердечных дел его, но Вася сам не знал и не понимал, что таится в свежем сердце. Одно слово могло разрушить этот рай и тихо теплившиеся чувства обратить в страсть. Это разрушительное слово было уже на устах Ласкира, но ему как-то жаль стало Васю; не по расчету благоразумия, но из безотчетного сожаления, по какому-то инстинкту Ласкир смолчал и глядел на юношу с горькою улыбкой... Ласкир даже забыл про Зою. Задумавшись, оба шли к воротам, где Алмаз ворчал за поздние диспуты... Но едва они вышли на улицу, из других ворот, которые вели на двор Меотаки, выбежало несколько мужчин и женщин...

– Помогите, – больше других кричала известная нам соседка, жена Хаима Мовши. – Умерла...

– Кто? – воскликнул Ласкир, и хотя получил ответ, но ничего уже не слушал; схватив за руку князя, он бросился в дом Меотаки...

Смеркалось. В вечернем сумраке они увидели Зою; она лежала на софе бледная и холодная, как мрамор; Ласкир схватил ее за руку и с ужасом опустил руку...

– Вася! Если ты меня любишь, посиди при ней, а я притащу мистра Леона! Я ничего не пожалею...

Ласкир убежал; князь Василий не знал, что ему делать с больною, он приподнял ее голову; умирающий день осветил лицо ослепительной красоты; юноша задрожал и в испуге едва не уронил чудной головки, но легкий вздох, вырвавшийся из полуоткрытой груди, ободрил его и порадовал. Он вскрикнул от удовольствия, когда томные, черные глаза раскрылись и блеснули. Полагая, что причиною воскресения Зои было то, что он приподнял ее голову, Вася обхватил Зою обеими руками и, усадив ее на софу, хотел отступить. Как бы не так? Голова его была в руках Зои. Она повернула ее к свету, и руки ее задрожали, от них и от дыхания Зои стало жарко юноше...

Прошло мгновение, и Зоя осыпала юношу поцелуями, каких, конечно, не доставалось Васе испытать на своем веку; он обеспамятовал, голова его кружилась, он горел – и бессознательно, сам не зная, что делает, прижимал Зою, цело-

вал ее как безумный... Крики и шум шагов заставили обоих опомниться.

– Я не пущу их, – вскрикнула Зоя и побежала к двери, но было поздно... В комнату с светильником вошли неотвязная соседка и какой-то мужчина...

– Сюда, сюда, мистр Иоганн, – сказала жидовка и едва не уронила светильник, увидев «покойницу» на ногах, с красными щеками.

– Так ты... – Жидовка не кончила, заметив князя. – Вот что! Ну, мистр Иоганн, извини; было так, как я тебе говорила, – стало иначе, сама выздоровела.

– Душевно рад, но после обморока я замечаю у этой госпожи горячку... Советую успокоиться... Верно, поразила ее какая-нибудь сильная нечаянность, испуг...

– Да, ее испугал Андрей! Объявил своей невестой...

– Что такое? – прошептал князь, и мысли его стали приходить в порядок...

Врач поздравил Зою, дал несколько полезных советов, взял приношение и ушел с жидовкой...

– Так это не сон?! – сказала Зоя печально, упав на софу, и рыдания заглушили ее голос...

Несмотря на то что Василий имел довольно времени прийти в себя и припомнить многое из прежних рассказов Ласкира, но рыдания женщины были для него совершенною новостью. Он опять забыл все и бросился к Зое...

– Что с тобой, Зоя?..

– И ты спрашиваешь? Да, я не скрываюсь, я люблю тебя; знаю, что это безумно, потому что я старше тебя. Но у меня есть к тебе просьба; если не захочешь исполнить ее, то лучше убей. Я должна спешить: могут помешать. Слушай, я выхожу замуж...

– Слышал!..

– Не по любви.

– Этого я не знаю, но верю...

– Замужество это и почетно, и хорошо...

– Тебе знать...

– Жена Палеолога может принимать таких больших гостей, как ты, князь...

– Если матушка позволит...

– Не зову на свадьбу, потому что это может быть неприятно для теремов...

– Ну!

– Не забудь своей должницы... Ты придешь?..

– Если позволят, – проговорил князь.

– Разве ты дитя?

– Но я приду посмотреть на тебя, непременно, а пока прощай...

– Не пущу... Дай слово.

– Ну, приду!

И Вася вышел. Ему было как-то и весело, и легко. Выбежав на улицу, он вскочил на коня и, вместо того чтобы повернуть в Москву, повернул на Жидовскую улицу.

– Князь Василий Данилыч! Куда ты это? – кричал Алмаз,
с трудом догоняя Васю.

– К мистру Леону.

IV. Ночное

Двор мистра Леона, не в пример другим дворам Греческой слободы, был обнесен высокой каменной оградой и снабжен огромными железными воротами; за оградой дома не было видно; по всей улице раздавались удары камня в железные ворота и разносился звонкий голос Ласкира. Напрасно, на дворе будто все вымерли; измученный Ласкир заметил, что калитка не плотно примыкает к воротам, и усиленными ударами надеялся победить ее. В это самое время прискакал Вася...

– Что ты делаешь, Митя?

– А! Это ты? Слезай проворней, помоги мне скорее разбить калитку... Я знаю обычаи этого лентяя: ночью ни за что не поднимешь! Что же ты, Вася?

– Сижу себе на лошади и тебе советую сделать то же. Все кончено.

– Умерла?

– Воскресла!

– Палеолог объявил ее при свидетелях невестой, и эта нечаянность была причиною, что она обеспамятовала...

– Сказки, князь!..

– Вся слобода знает и слышала! Мистр Иоганн при мне поздравлял Зою... Может быть, ты и теперь скажешь, что в теремах свадьбу сплели...

– Этому не бывать! Софья Фоминишна не позволит, будет бить челом государю...

– Эх, молодость зеленая! – с трудом удерживая коня, сказал Алмаз. – Бога ты не боишься, князь! Погубил ты тело мое грешное; Стромилову под плети отдал плоть мою старую; в терема и не показывайся, прямо ступай на конюшни государевы да перед Наумом-конюхом и ложись!.. Что у вас, глаз, что ли, нет? Ведь от солнышка уже и бахромки не видно, птицы спят, а вы тут ночью по чужим дворам шатаетесь... Как хочешь, князь, едем, а не то насильно повезу...

– Молчи, Алмаз! Чужие едут...

– То-то и беда, увидят, расскажут – поведут меня к Науму...

– Ну, ну! Едем, только молчи...

Ласкир поспешно вскочил на коня, и все трое тихо поехали по Московской дороге. Хотя и было уже довольно темно, но юноши могли рассмотреть всадников, ехавших к ним навстречу: их было двое. По всему было видно, что ехавший впереди был господин, а другой слуга. Еще можно было заметить, что оба были нерусские; первый был одет щегольски, перья развевались на его красивой шляпе; лошадь не шла под ним, а играла и, как животное разумное, сама остановилась у ворот мистра Леона. Всадник что-то сказал, ему отвечали из-за ограды, и он посмотрел на юношей, которые также наблюдали за этими ночными гостями...

– Я слышал, – тихо сказал Ласкир, – и не верил, но теперь

начинаю подозревать, что у мистра Леона точно по ночам бывают недобрые сходбища...

– Ласкир, если ты мне друг, мы должны проникнуть к нему, узнать, что там делается. Может быть, там куют злое противу нас...

– Надо подумать!

– Чего тут думать – ясно, что тебя боялись пустить и что там сидят тайком. Видишь, ворота отворились, всадников выпускают. За мной!..

– Ты с ума сошел. Тут надо иначе: надо бы перелезть через ограду с задней улицы, там, верно, сторожа нет, да пробраться садом под окна, или на крышу, или как ни есть вот этак... Но что скажет Алмаз?..

– Да что, Алмазу теперь все равно, – сказал старик. – Все одно поведут к Науму, вздуют: а если заправду поганый жиловин затевает какое зло, так не мешало бы его отправить к покойному Антону, живого сжечь...

– Он на всякое зло способен, – заметил Ласкир. – У нас люди верные толковали, что он нарочито залечил Меотаки, чтобы самому на Зое жениться...

– Ласкир! Он с неделю тому назад давал Леночке какое-то снадобье... Он говорил и Софье Фоминишне, что ей надо от кашля лечиться... Нечего тут рассуждать и медлить! Что будет, то будет, а я иду...

– И я...

– И я, – сказал Алмаз. – Постойте же, птенцы мои! Коли

так, надо стариной тряхнуть. Вот теперь двадцать лет тому назад ровно, я в Казань охотником лазил... Где бы только лестницу достать...

– Не надо, – сказал Ласкир, поворачивая в переулок, – без лестницы дело обойдется. Только ты, Алмаз, крепко уцепись за ограду; я влезу на тебя, перейду на стену, а на стену, видишь, облокотились липы. Как помосту сойдем...

– Вишь, молодцы! – сказал Алмаз. И действительно, юноши очутились на ограде...

– Ну, а я? – спросил Алмаз.

– А ты у нас засада... Только, ради бога, отведи лошадей подальше...

– Глупый зверь, правда; ни с того ни с сего заржет, пожалуй, – я им подвяжу морды... Конь – друг человека; а из дружбы всякий труд не труден... Ну, коники мои...

Старик продолжал речь свою у чужого забора; лошади внимательно слушали, но, может быть, не его слова, а далекий шелест листьев, пробужденных ночным путешествием Васи и Ласкира. Юноши благополучно по сонным липам спустились в сад мистра Леона; действительно, с этой глухой стороны никто не ожидал посещения. Сад в этом месте простирался обширной липовой рощей, и по заглохшему виду, густой и высокой траве, недостатку дорожек можно было заключить, что эта часть сада была совершенно заброшена; юноши, не без труда пробираясь, натыкались на заросшие пни или скользили по траве, увлажненной росой. Роща ре-

дела; показались хоромы; кое-где сверкали искорки, обнаруживая, что в хоромаш не спят и что ставни с этой стороны не совсем плотны. В глубоком молчании юноши осторожно приблизились к самому дому. Тихий разговор коснулся их слуха, разговаривали на висячем крыльце, что ныне называется балконом, или, лучше, террасой, потому что с боковой стороны лестница вела в сад... Изредка на крыльцо отворялись двери, на светлом пятне показывалась черная человеческая фигура, и двери запирались, и опять не было никого видно, но зато слышно, что число собеседников постоянно умножалось...

— Рыцарь Поппель, — по-итальянски сказал последний вошедший, и нетрудно было по голосу узнать Палеолога, — видел все земли христианские и всех монархов. Уверяет, будто бы теперь приехал в Москву, чтобы видеть Иоанна. Плут. Бьюсь об заклад — у него другая цель...

— Про то знают мистр Леон да Поппель, — сказал кто-то по-русски незнакомым голосом. — Мистр Леон не своим делом занимается; он не на двух, как говорят, а на десяти скамьях сидит, а все-таки провалится.

— Да, твоя правда! Мистр Леон и нас продаст, коли будет выгодно.

Двери отворились. Мистр Леон пригласил в комнаты, и тут только можно было заметить, что на крыльце было немало гостей. Все вошли в покой, и юноши, ничего не разведая, не знали, на что решиться. Но они зашли слишком да-

леко, чтобы воротиться. Отвага – спутница их возраста – повела их на лестницу. На крыльце никого не было, за дверьми ничего не было слышно. Князь Вася не вытерпел, отворил осторожно дверь: в этой комнате было пусто. Висячий итальянский светильник освещал софы и кувшины. Оставаться тут было бы опасно; идти вперед – неосторожно; так как тут было трое дверей, то князь, по какому-то инстинкту, повернул в правую. Такой же итальянский светильник освещал опочивальню Леона: роскошная постель, красивые шкафы, мягкие и низкие софы, ковры, вся утварь обличала в хозяине изящный вкус и расположение к неге... Не успели юноши осмотреться и ознакомиться с местностью, как послышался за дверьми разговор и громкий смех мистра Леона. Опасность изобретательна. Князь и Ласкир спрятались за кровать и совершенно закрылись шелковыми занавесками... Они не могли видеть, кто вошел с мистром Леоном.

– Рыцарь! – сказал по-итальянски мистр Леон. – Я не знаю, как благодарить тебя за честь, которую ты оказал бедному темному врачу...

– Кто врачует тело, у того в руках и разум больного... Я виделся с первым вашим боярином, но он столько же смыслит в политике, сколько я в новой кабале¹³, которой теперь дурачат не только простой народ, но и людей знатных и уче-

¹³ **Кабала** – средневековое религиозно-мистическое учение, получившее распространение в иудаизме; мистическое толкование Ветхого Завета, соединенное с волхвованием.

ных...

– Дурачат?

– Не о кабале речь, мистр Леон, а вот в чем дело: первый ваш боярин ничему не верит...

– И хорошо делает.

– Не знаю, хорошо ли, нет ли, только я привез письмо от Фредерика, боярин и этому письму не поверил...

– Смотря по тому, что там написано...

– Там написано, что я видел все христианские земли, хотел бы посмотреть и Московскую державу...

– И больше ничего не написано?

– Ничего! Дальше, как сам знаешь, император просит оказать мне покровительство и защиту.

– И ты хотел, благородный рыцарь, чтобы старая лисица молодой поверила? Может ли быть, чтобы одно любопытство привело тебя в Москву.

– Без сомнения! Европа полна именем Иоанна. При дворе венгерском московский монарх единственный предмет разговоров. Все дела его, особенно брак сына с принцессой, брак его самого с принцессой, – все это заставляет думать, что Иоанн желает сблизить Москву с немцами.

– А император – приобрести могущественного и верного союзника.

– Может быть...

– Зачем же не объясниться без обиняков? Беспокоить благородного рыцаря таким дальним и опасным путешествием.

Если я угадал мысль твою, то не буду подражать твоей хитрости, откровенно скажу, что я улажу это дело; Патрикеев... Но и эта причина одна как-то не удовлетворяет моих соображений. Его величеству понравились два брака двух Иоаннов. Не имеете ли в виду третьего?.. Елене уже двенадцать; пока станем переписываться и обсылаться посольствами, пройдет два-три года, созреет невеста; готов ли жених?

– Мистр Леон, не могу не дивиться твоей прозорливости и благодарю Небо, внушившее мне мысль повидаться с тобою... Но, мистр Леон, уговор лучше денег, я заплачу тебе откровенностью настолько, насколько могу. Я должен видеть ее... Я должен изведать, будет ли на то согласие Иоанна, если я предложу высокого жениха. Отказ может унижить тех, от кого я послан, а жена невзрачная не окупается политическими и весьма отдаленными выгодами... В придачу ко всему, что я сказал, мне нужен портрет Елены... Что возьмешь за все?..

– Сто венецианских златниц и место врача при императорском дворе...

– Ты хочешь оставить Москву?

Мистр Леон встал и начал ходить по комнате. Ласкир понимал по-итальянски, но, к счастью, Вася не разумел ни слова, слушал он поневоле; имя Елены, несколько раз повторенное, заставило его затрепетать. Мистр Леон подошел к двери, запер ее изнутри и, воротясь, остановился перед Поппелем.

– Благородный рыцарь, ты мне не изменишь?

– Рыцарское слово, мистр Леон!..

– Рыцарь! Ты не знаешь двора нашего, не постигаешь, на каком вулкане стоим мы все, не исключая многих членов семейств нашего владыки. Ты намекнул про кабалу и справедливо сказал, что ею дурачат не только простой народ; поверишь ли, что жидовством заражен старший член московской церкви – митрополит Зосима...

– Быть не может!

– Поверишь ли, что духовники государя, старшие каноники Успенской и Архангельской кафедр, тайно исповедуют жидовство...

– Я тебя не понимаю, мистр Леон! Кажется, все это должно тебя порадовать...

– Не потому ли, что отец мой был еврей, а я ни еврей, ни христианин... У меня своя религия... Но выслушай! Ты беседовал с дьяком Курицыным. Этот самый опытный сановник в посольском деле – жид! Ты видел сегодня у меня, да он и теперь еще здесь, – Иван Максимов, муж красоты редкой, с золотыми устами и хитрым умом, – это комнатный дворянин царевны Елены, царской невестки, – жид... И этот жид, по мнению моему, опаснее всех других... Наконец, оба Ряполовские и первый боярин Патрикеев... околдованы кабалою... Я должен быть их союзником, потому что без них на Москве никто ничего не значит... Но долго ли они сами сохраняют это значение?..

– Однако я видел у тебя Палеолога, греков, друзей Софьи, бояр, как я слышал, противной стороны...

– Когда те падут, эти восстанут. Благородный рыцарь, эти и не жида, но опаснее; те при успехе слепы, эти и в счастье подозрительны... Это не все! У Иоанна есть врачи особой статьи – два брата, да еще князя тверской и верейский; последний женат на племяннице царицы, дочери Андрея, которого ты у меня видел. Иоанн сердит на отца, на дочь и ее мужа, а это укрепляет партию Елены, а ее невидимо опутывает жидовство... Понимаешь ли, как опасно мое положение?.. Друг всех партий, я не знаю, которая одолеет...

– А по твоему мнению?..

– Я сказал, что не знаю, и вот почему хотел бы вынырнуть поскорее.

– А если бы ты все рассказал самому Иоанну?

– А ты видел Иоанна?..

– Нет!

– Как увидишь, тогда скажешь, каково с ним беседовать. А пытка, рыцарь, – пытка! Без пытки моим словам не поверят. Я собрал на Москве довольно; пока разразится буря, соберу еще больше. Как бы только уйти до первого грома... Я должен был сказать тебе все; теперь суди сам, справедливы ли мои условия. Если ты согласен – по рукам, и я принимаюсь за дело...

– По рукам!

– Пока довольно. Скажи моим сотрапезникам, когда вый-

дешь из моей опочивальни, что я облегчил недуг твой неожиданно, и надеешься, что, если я совершу над тобою то же еще несколько раз – ты совершенно исцелишься, а это даст повод чаще видаться. Все гости мои страдают ложными недугами, но каждый думает, что только он один хитрит удачно...

– Когда же мы увидимся?

– Я дам знать или сам буду... Пора, благородный рыцарь! Сегодня мне, врачу крамол и козней, много дела! Пора...

Не успел мистр Леон выпустить рыцаря, как вошел Андрей и сам запер двери...

– Я исполнил твою просьбу, – также по-итальянски сказал Андрей. – Посетил дом твой и, право, не понимаю, зачем было тебе угодно приглашать меня... Твое разношерстное общество так же скучно, как обед в хоромаш Иоанна. У всех замки на губах. Приметно, что все друг друга боятся, а хозяин то и дело запирается с больными, чтобы выманить златницу или сребреник. Но я не болен, и...

– Болен, принчипе... и я нарочно заманил тебя сюда, чтобы насильно вылечить...

– Уж не от женитьбы ли! В этом, наверно, не успеешь! Завтра, мистр, завтра Зоя будет в моих объятиях как законная жена.

– Что такое?

– А, так ты не знаешь, что я женюсь на Зое, как следует по всем правилам, на этот случай установленным, и женюсь

завтра же...

– Позволь, принчипе, освидетельствовать состояние твоей крови...

– Осторожнее! Я тебе отвешу такое свидетельство, от которого и завтра сохранятся явственные признаки. Подлый жидовин, я теперь понимаю, кто и что ты. Я могу погубить тебя завтра, но я щажу тебя, потому что ты мне нужен, а нужен вот для чего. Слушай и повинуйся! Во-первых, растолковать не сестре моей, ей и говорить ничего не надо, она спесива, матушка; к нашей гордости пришила московскую – и спесива, точно курица, наряженная павой. Нет, надо растолковать Волошанке, что такому близкому сроднику Иоанна, как я, неприлично играть свадьбу на свой счет, понимаешь ли? Патрикеев, Ощера, Мамон – никто не вымолит у этого Иоанна ни алтына, одна Елена... Ну да тебя учить нечего... Так же было бы пристойно, чтобы жене такого близкого сродника от лица царского послано было приличное поздравление мехами, парчой, камкой¹⁴, а лучше деньгами. Я знаю, что, как только в теремах слышат про мою женитьбу, подымется буря; станут уговаривать, пожалуй, пойдут на хитрости, а от них один шаг до злодейства... Так скажи и объяви, что все уже кончено...

– Но как же я обману Елену?..

– Не обманешь! Я буду мужем Зои раньше твоего свидания с принцессой. Можешь еще объявить Елене, что я не хо-

¹⁴ **Камка** – шелковая китайская ткань с разводами.

чу больше мешаться ни в какие крамолы дворовые и хитрости, а если дадут довольно казны, уеду, пожалуй, завтра же...

– Уедешь?

– Ты чему обрадовался? Помни, что и в чужие земли ездят московские послы, и всегда с ними я могу дать знать Иоанну, какую птичку райскую держит он и холит при своем дворе... Да черт с тобой, мне лишь бы выбраться отсюда... Резиденция моя теперь у Зои... Милости просим...

Палеолог ушел. Жид, дотоле бледный, побагровел, снял с себя бархатную скуфейку, бросил и стал топтать ногами.

– Зою! – шептал он, задыхаясь. – Зою! Для тебя ли я упрягал старика? Нет, Андрей! Я и тебя самого упрячу... Я знаю, что на один поп без государева указа не обвенчает их. Завтра! Нет, Андрей! Это – бесконечное завтра! Не дожدهшь-ся!.. Палеолог женится на Зое и думает, что Иоанн позволит, что мистр Леон допустит!

Мистр Леон расхохотался; в это время вошел в спальню Иван Максимов и тоже запер за собою дверь.

– Еще болящий... – сказал он грустно.

Леон поднял поспешно скуфейку, отряхнул, надел и покойно сел на софу.

– Поведай о твоём недуге...

– Мистр Леон! Никто о нем не знает и не узнает.

– Есть тайны что шило в мешке. Твоя тайна, Иван, такого же рода; гляди, чтобы тебя не закололи тем шилом.

– О, я не пожалею жизни... Что мне в этой жизни, когда

я не только не смею сказать о моих чувствах, но боюсь чувствовать и самая дума веет ужасом. Страшная пытка...

– Что же, брат Иван, делать! Моисей творил чудеса; наука осталась, но многие ли ее знают...

– Да! Схарии не стало! О, я знаю, что великий учитель помог бы бедному ученику! Я горю, тлею в сиянии; я не звезда риз Соломоновых; та горела и не чувствовала, а я пылаю – и пламя тлит душу нестерпимо, нестерпимо... О, сегодня страшный день! Когда сонм нечестивых благодарил Бога сил за победу, я сидел в тереме царевны, один, я думал...

– Что же ты остановился, Иван? Со мною у тебя нет и не должно быть тайны. Ты думал про царевну...

– Змей! – вскрикнул Максимов. – Ты смеешь думать!..

– Иван, ты наш приемыш; ты не испил чаши тайного учения; ты даже не видел сокровенного сосуда мудрости и удивляешься, что я могу читать в душе твоей. Бедный Иван! Недуг ужасный, но вылечить можно...

– Ни за что. О, я люблю недуг мой пуще матери родной; он прирос к душе моей; оторвешь – изольется жизнь; я буду пусть как храмина без жильцов; оставь мне мою несравненную жилищу... Я не хотел рассказать; я сидел в тереме один; я знал, что воротится одна, и целый ад кипел в сердце... Слышу – идут... Я обеспамятовал, испугался мысли, что буду с нею один; я хотел броситься в девичью, позвать любимую татарку... Но в переходе слышу, разговор растет, закипела ссора; двери растворились, вбежала Елена. Я не ви-

дел ее такую. Уж тут не выдумка, не суесловие, нет; глаза заправду горели, бросали полымя; больно было от тех взоров, страшно, жалостно... Мистр Леон, так больно, что я завизжал как пес; сжав кулаки, я ждал слова, чтобы разломать весь терем в щепы... Елена заметила мою муку, схватила меня за руку и сказала: «Благодарю!»

Иван закрыл глаза руками и горько заплакал. Мистр Леон с насмешливой улыбкой глядел на Ивана; наши юноши сквозь скважины занавесок могли видеть, что делается в комнате...

– Ну что же дальше, Иван? – спросил мистр. – Про ссору эту я кое-что слышал.

– Что дальше! Я лежал у ног царевны, как верный пес, притаив дыхание; но псы счастливее, те смеют смотреть в глаза своим господам... Я не смел...

– Тем и кончилось?

– Нет, Леон, она велела встать, я встал и сказал царевне: «Успокойся, Алена Степановна! Мы отомстим...» – «Кому?» – спросила она. «Этой гордой грецкой крале». – «Ей я и сама отомщу, но кто отомстит этому щенку, что при ней...» Я вспыхнул. Я не спросил, о ком речь. Я не хотел знать, кто он; я закричал: «Я, я, кто бы он ни был». Ну, подумай, Леон, этот комар, что так больно ужалил Алену, – еще ребенок, это Вася...

– Холмский? Хорош ребенок! Его женить пора, а у вас все ребенок да ребенок...

Если бы не Ласкир, приведенный разговор, вероятно, изменил бы не только характер, но и все наше сказание. По счастью, Вася сам чувствовал необходимость до конца оставаться невидимкой.

– А как же это следует мстить! Научи меня, ради Моисея и пророков, у меня у самого есть теперь обидчик...

– Как мстить? Не знаю... Но месть сама скажется.

– Мой обидчик сделал хуже, – перебил мистр Леон. – Он хочет жениться на той, которую я себе приготовил в невесты...

– Кстати, мистр Леон, ты мне напомнил, зачем я к тебе послан... Сегодня великому князю Ивану Ивановичу донесли, что Палеолог решительно женится на вдове Меотаки. Царевна обрадовалась!

– Как обрадовалась?

– Поручила просить тебя, если Зоя будет упрячиться, так уломать. Этот брак нужен царевне...

– Брак Андрея с Зоей?

– Именно! Эта женитьба вконец уронит Софьиных клевретов¹⁵, унизит Фоминишну; на Андрея падет опала, его выгонят, а с ним заодно прогонят и многих других опасных греков; это уже наше дело, мы уже сталкивались с Патрикеевым и Ряполовским; направим, направим! Только ты, мистр Леон, не плошай. Зою уговори, Андрея подзадоривай, не то одумается...

¹⁵ Клевреты – товарищи, собратья.

– Нашли союзника! – проворчал Леон, бешено взглянув на Ивана. – Алена Степановна, видно, не знает, что она моя любовь, моя страсть...

– Знает!..

– Знает и требует такой жертвы!..

– Но ты не забудь, что этой жертвой ты положишь наповал врагов...

– Чьих? Ваших, а не моих! У меня нет врагов, у меня все друзья! Вам оказал я немало услуг; моими ушами вы слышали, моими глазами вы видели. Я вам принес на жертву честь, совесть, спокойствие, в надежде, что вы же мне поможете завладеть Зоей. Не дивлюсь ни тебе, ни Елене, но Патрикеев это знал... Вот благодарность! За службу, за страх, за жертвы... Она хочет первенствовать, вот ее блаженство, и для этого хладнокровно уничтожает счастье верного слуги. Да много ли после этого останется слуг-то у нее?

– Царевич предвидел, что ты нелегко согласишься на эту жертву.

– И что же?

– Он даже не советовал тебе сказывать...

– Тайком?..

– Стой, мистр Леон! Я все скажу, если приколдуешь ко мне, мистр Леон, приворожишь... а?

Мистр Леон поправил скуфейку и презрительно улыбнулся.

– Да что мне Алена Степановна, я чужой человек, сегодня

на Москве, завтра в Кордове; вот тебе слово, ну, рассказывай.

– Когда же, мистр Леон?

– Это скажут звезды и календари... А ты свое сказывай...

– Да что, я коротко скажу: царевич долго не хотел женить Андрея на Зое, но когда Елена настояла и он согласился, тогда велел из своей казны, тайком, отнести Андрею мешок сребреников. При этом царевич сказал: мистр Леон, по-моему, может все испортить, а деньги, наверное, помогут. Андрей будет рад случаю попить на своей свадьбе на чужой счет и поспешит с женитьбой... Ну, где же твои звезды, где календари?..

– Так вот он каков, Иоанн благодушный!.. Вон он, покровитель и защитник! И не бойся, говорит, никого! Живи у меня в холе и милости, я тебя не оставлю... И после этого... Нет, черт возьми, так не рассчитываются, нет, не дам Зою! А если вы у меня ее украдете, так...

Скверная улыбка искривила уста Леона, он встал, Иван приставал к нему с звездами и календарями...

– После, после! – отвечал Леон. – Сначала дай о себе подумать. Андрей, чего доброго, может сыграть такую шутку, что потом ничем не поправишь...

Кто-то постучался в двери, мистр Леон отворил – вошел Курицын.

– Вы оба с ума сошли, – сказал он сухо. – О чем хлопочете? Свадьба Андрея разошлась, а между тем голос Леона по

всем хоромам слышно. Я поспешил предупредить вас, так не стряпают тайных дел. Положим, Иван – молод, но ты, Леон, зверь опытный...

– Зверь... Ты правду сказал, и я не знаю, до какого бешенства докипела бы моя кровь, если бы не весть твоя радостная; но от кого ты слышал?..

– Дело простое. Царевич думал ускорить брак Палеолога и послал ему денег, а тот из-за того и хотел только жениться на Зое, чтобы погасить долг свой Меотаки и покутить на его богатства... Деньги в руках, Палеолог смеется над своим сватовством. Вот, Алена Степановна, без Курицына-то и плохо хитрые дела справлять, а я и на совете не был...

– Конечно, конечно, – подхватил злобно мистр Леон. – Ты бы своего союзника и обманул и погубил искуснее...

– Ошибаешься, Леон! Я и теперь утверждаю, что брак Андрея нам вовсе не нужен. Государя не раздражит эта свадьба, помяните мое слово; Иоанн посмеется сумасбродству Андрея и станет утешать Софью, а вот это так опасно, потому что Софья хитра и воспользуется нежностью супруга...

– Вот это палатный разум! – вскричал мистр Леон. – А вы близорукие, с вашими мелочными расчетами, вы погубите и себя, и союзников...

– И религию, – тихо прибавил Курицын. – Неуместное усердие Ивана к царевне...

– Усердие? – вздрогнув, прошептал Иван, а Курицын продолжал:

– Может погубить все. Если бы ты мог снять завесу с глаз молодого Иоанна, о, тогда бы была великая польза. Рано, больно рано снять покров с истины. Хотя между нами много людей знатных, но мы слабы противу огромного большинства и всемогущего предрассудка. Мы не должны вверять тайн нашим женщинам, детям и скудным умам. Я не доволен, что вы допустили в общество Мамона и Ощеру, этих шутов. Теперь они, из лести Патрикееву, потакают нам; не станет Патрикеева, и мы приготовили только подлых доносчиков. Алена Степановна женщина живая, страстная; нетрудно внушить ей истину библейскую, но одно мгновение может взволновать ее совесть... Знаю, Иван, что тебе сладостно рассказывать ей такие мысли, которые возбуждают ее любопытство, знаю, что в эти мгновения черные очи блестят ярче и продолжительнее светят тебе. Безумец! Ты жжешь себя медленным огнем, и так неосторожно, что можешь и взаправду очутиться на костре... Ты побледнел, Иван! Подумай-ка сам и размысли. Если мог угадать Курицын, то как оно может ускользнуть от взоров Иоанна? Я давно собирался остеречь тебя, но ты удерживался. Ради бога, перемените ваши неразумные пути. Вот, мистр Леон, случай привел к тебе старика умного, опытного, и, по моим догадкам, он будет у нас много значить... Государь мне говорил сегодня о Никитине и велел ему быть завтра к себе... Завтра же и решится его участь. Иоанн умеет глядеть в души людские... Вот такого союзника приобрести полезно. Он еще сидит у

тебя за трапезой: вот пошел бы ты лучше, потолковал с ним, приворожил, употчевал, а то сидишь запершись и суетой занимаешься...

– Но Палеолог у Зои.

– Палеолог у Рало, считает деньги и радуется, что может не жениться...

– Кто сказал тебе...

– Меньшой Рало; он приходил сюда и вызвал всех Андреевых клеветров на пирушку; звал Никитина, но тот предпочел глупому пиру умную беседу с рыцарем Поппелем. Поппель восхваляет твое искусство, это может расположить к тебе старика, а дальше учить тебя нечего...

Жид улыбнулся. Курицын, кстати, польстил самолюбию Леона.

– Пойдем! – сказал он самодовольно. – Полонить разумного старца не легко. Это особая наука...

– Ты дай нам в ней урок. Я многому учусь у тебя...

– И взаимно, – отвечал жид, уходя. Курицын удержал Максимова...

– Иван, – сказал он тихо. – Я поправил все только ради царицны Елены; умоляю, будь благоразумен. Помоги мне удержать Леона дома до утра, помоги упоить его, выбить из памяти, не то хитрость моя останется втуне... Пойдем, чтобы не подать повода к опасным догадкам.

Все ушли. Юноши, пораженные всем, что видели и слышали, несколько мгновений пролежали у постели мистра, не

вымолвив слова.

– Господи! – сказал наконец Вася. – Где мы были? Вертеп еретиков и злодеев...

– Тише, тише, Вася, ты еще всего не знаешь! – Ласкир остановился; хотя и молод, но, по врожденной хитрости, он расчел, что лучше не делать Васю участником итальянских тайн, тем более что уже догадывался о тайне самого Васи, и потому сказал тихо: – Как бы нам теперь выбраться отсюда подобру-поздорову...

– А я так думаю совсем иначе. Если мы будем пробираться тайком, можем попасть на засаду и с нами могут разделиться как с воришками. Мой совет идти прямо в гридню¹⁶, сесть за стол, перепугать хозяина и гостей; разойдутся, и мы с ними уйдем свободно через ворота, а путем-дорогой вволю посмеемся их страху и недоумению...

– Но если спросят...

– Будь нем, Митя, я буду говорить один...

– Но если они со страха захотят нас припрятать...

– Пустяки! Там Никитин, Поппель, не посмеют, а завтра не смогут... Пойдем...

Ласкир хотел остановить Васю – напрасно: князь был уже за дверью; голоса в гридне указывали дорогу; князь Василий вошел бодро и весело.

– Хлеб-соль, добрые люди! – сказал он и остановился по-

¹⁶ **Гридня** (гридница) – покой и строение при дворе княжеском для гридней (телохранителей княжеских), приемная.

среди гридни, любуясь неописанным удивлением хозяина и гостей.

Мистр Леон вскочил и, подняв руки вверх, стоял будто окаменелый; Иван Максимов, привстав, дрожал от злости.

– Мы вам помешали, да, признаться, есть захотелось, мы и зашли к мистру Леону; знаем его гостеприимство, слухом земля полнится. Что же ты, жидовин, не рад, что ли, добрым гостям?..

– Я?.. Как же не рад... Но, право, не понимаю, каким путем...

– Что тебе до путей! Кабала привела! Мы с Ласкиром недаром греческой мудрости учились...

– Греческой дерзости, – заметил Иван Максимов злобно, поднимаясь со скамьи и засучивая рукава; он, видимо, собирался разделаться с обидчиком Елены натуральным оружием.

– Ни с места! – сказал Вася повелительно, и Максимов, побледнев, действительно сел на место. – Попритих, голубчик, гляди, чтобы и про другую ересь не узнали, тогда плохо будет...

– С чего ты взял, князь? – с улыбкой спросил Курицын. – Видно, у вас в теремах бабы такие диковинки вместо кружев плетут...

– Твоим языком, палатная мудрость! Не отнекивайся! А то я и тебя на чистую воду выведу... Ну что, хозяин! Попро- си гостей сидеть; мы вашей беседе не помеха, а не то про-

цайте – мы пойдем к Андрею Фомичу на тот пир, что Курицын выдумал.

– Выдумал? – спросил мистр Леон и выскочил из-за стола.

– И хорошо сделал, что выдумал, не то ты бы помешал женитьбе, а теперь, верно, уж все кончено...

– Кончено! Нет, быть не может... успею... Хаим, шапку, трость...

– Напрасно трудиться изволишь! У Андрея царевна свахой. Зое царевич снарядил приданое; все покончено, выпьем за здоровье молодых. Да и у меня сегодня день важный: я сегодня из ребят вышел, так дай впервые и сладость вина отведать...

– Тебе пить вино... дитяти...

– Вот вздор какой! Не ты ли сам женить меня советовал... Жид, бледный, дрожал и не знал, на что решиться...

Курицын хотя был совершенно смущен разными намеками, но прежде других успел собраться с мыслями.

– Люблю, – сказал он, – удаль богатырскую, сейчас видно, что соколиное чадо! Не по летам богатыри растут, а по молодечеству... Князь Василий и двух десятков лет не насчитает, а уже мог бы два десятка голов зараз снять...

– И снял бы, если бы позволили, с тех тайных злодеев, что смущают совесть людей нетвердых, не щадят неразумных женщин, готовят и себе и им погибель!.. Ну что же, мистр Леон, вина!..

– Вина?.. – спросил Леон, от страха не понимая, что гово-

рит, что делает...

– Для такого дорогого гостя, – сказал Курицын, – я не пожалел бы и заветной мальвазии...

Жид понял и ободрился...

– Есть, есть у меня столетняя! Но этого вина никому не дам, кроме молодых гостей, пусть всласть выпьют...

– Давай, давай, а мы пока присядем...

Вася подсел к Никитину, и разговор пошел шепотом; не прошло двух-трех минут, жид воротился с подносом, на котором стояли две чары и фляга, покрытая мохом и плесенью... Он хотел налить чары, но Никитин шепнул что-то Васе, и тот остановил Леона.

– Постой, мистр Леон, – сказал Вася. – Я раздумал! Хотя мне, по-твоему, и пора жениться, да все же у родительницы спроситься надо. Подарок твой я принимаю, – и с этими словами Вася схватил флягу. – А выпью завтра, если княгиня позволит!

– Нет, уж этого я не позволю, пей здесь, а в теремах вина пить не приходится...

– Пьют же другие, когда про ересь рассказывают. Ничего, и мы выпьем...

– Не выпьешь!.. – Жид схватил со стола нож, ударил по бутылке и разбил ее вдребезги – влага разбрызнулась и залила платье Васе и Никитину. В руках князя торчало только горлышко... Этот поступок жида поднял на ноги все общество...

– Эге! – сказал Никитин. – Видно, вино твое было точно заветное!

– Эх, – прибавил Вася. – Не искусен же ты, мистр Леон, кабалой своей только дураков морочишь; видно, греческая мудрость почище жидовской... Теперь, кажется, беседа у нас не сладится... Разойдемся лучше, добрые люди, и мистру Леону мы в тягость, его так и тянет в дом Меотаки. Он там хозяина заветным вином уже потчевал. Нет ли еще фляги?

Многие гости столпились около князя, другие окружили Курицына – все перешептывались...

– Сражение кончено! – наконец сказал Вася. – Дело идет к утру, светает; довольно потешились. Прощай, мистр Леон, авось успеешь Андрея Фомича поздравить; верно, у них пир еще не кончился...

– Прощай!..

Князь, Никитин, Ласкир и многие гости ушли, их никто не провожал; мистр Леон совершенно растерялся, он искоса бешено поглядывал на своих сообщников, которые стояли недвижимой группой, повеся головы...

– Притча! – наконец сказал Курицын. – Спасти нас может одна Елена. Надо действовать быстро – иначе мы погибли...

– Но как этот щенок, – спросил Максимов, – мог попасть сюда, каким образом мог узнать все!

– Как, что? Теперь не время об этом думать. Мы на краю бездны – надо думать, как вывернуться из беды. Иван, ты должен сейчас идти в терема, разбудить татарку, но лучше

пойдем, я тебе скажу мысль мою дорогой; нас тут много, и, я вижу, тайны у нас плохо держатся. Скоро самого себя надо будет бояться... Пойдем, Иван.

– Куда, злодеи? – спросил мистр Леон, схватив за грудь Курицына. – Вору! Зою, отдайте мне Зою! Не для ваших происков, изверги гнусные, готовил я эту женщину, не для вас... Зою, Зою, Зою!

– Опомнись, мистр Леон! И тебе, и нам теперь не до Зои. Ты продал нас, ты впустил Холмского тайно в свою опочивальню и теперь хочешь обмануть нас припадком притворной страсти...

– Притворной! О, звери лютые! Вам все игрушка, кроме ваших крамол и козней.

– Мистр Леон! Мистр Леон! – кричал кто-то на крыльце...

– Еще! Что там случилось?

В комнату вбежал молодой Ласкир.

– Мистр Леон, – полушептал, полуговорил он, расстроенный. – Даю тебе слово за себя и за Холмского... Тайны твои умрут с нами, только спаси моего отца. Он смертельно захворал на свадьбе Палеолога...

– На свадьбе!.. Зоя вышла за Андрея...

– Сегодня ночью... Еще сидят за свадебным пиром, но мой бедный отец умирает в доме Меотаки, и домой не могли донести...

– В доме Меотаки?

– Мы встретили посланца; мистр Леон, клянусь за себя

и за князя, мы не выдадим ни тебя, ни твоих сообщников, только спаси отца...

– Клянись! Но Холмский где?

– Он также в доме Меотаки, он поспешил к отцу, а я бросился сюда... Там он даст тебе свое княжье слово...

– Там! Там! В доме Меотаки! Они еще сидят за свадебным столом, еще... О, еще есть время!..

Жид исчез. Ласкир оглянулся: в комнате никого не было. Леон скоро вернулся в мантии и шапке...

– Пойдем, Ласкир, – сказал он с живостью, глаза его сверкали злобною радостью. – Пойдем в дом Меотаки!

V. Тревога в теремах

В нижних теремах никто не спал, кроме грудных младенцев. Отсутствие князя Василия, небывалое, непонятное, приводило в отчаяние не только княгиню Авдотью Кирилловну, но и великокняжеских детей. Елена и Феодосий то и дело выбегали в передний покой и спрашивали у сонного прислужника, не вернулся ли Вася, – сходи, погляди. И прислужник, в душе проклиная Василия, отправлялся на мужское крыльцо, где то же беспокойство мучило молодого Василия, сына Иоаннова, и дворцового дворянина Стромиллова. Он разослал всех, кого было можно, искать Василия, но и посланцы уже воротились с пустыми руками, а князя все еще не было. На другой половине, у Елены, также никто не спал; муж Елены стонал, покрытый шубами и одеялами; Елена, накинув душегрейку, хлопотала с любимой своей татаркой около мужа, ожидая мистра Леона, за которым поскакало немало гонцов. При всем том, как ни велика была тревога на обеих половинах, но все ходили на цыпочках, говорили шепотом, боясь, чтобы шум не достиг до верху и не разбудил Иоанна... Вдруг в теремных коридорах раздалось слово «пожар»... Тогда шепот обратился в громкий крик: «Где?».

– Далече, зарево!

– Вася, ты, что ли? А что, мистр Леон приехал? – Все эти вопросы сливались в одно, и такой шум не мог не разбудить

государя прежде, чем градоначальник князь Федор Петрович взошел наверх.

В предспальнике, при свете сонной лампы, освещавшей усыпанную самоцветными камнями икону, на обитой бархатом софе, во всей одежде сном крепким почивал комнатный боярин Мамон. Теремная тревога не возмутила бы богатырского покоя, если бы князь Пестрый не приложил руки к недвижимым ногам Мамона.

– Вставай, боярин! Пожар на Москве, доложи государю...

– Пожар! Туши! – закричал во все горло Мамон со сна так, что на Москве-реке, вероятно, было слышно...

– Что с тобой? Государя перепугаешь...

– Что за шум? – сказал государь, пробужденный тревогой, выходя из опочивальни в полушубке на собольем меху и в длинноносых татарских туфлях. – Где горит?..

– Греческая слобода!..

– В третий раз, а оттого, что бражничают поздно...

– Да ты, государь, не приказал в их дела земской управе мешаться, так мы там и сторожников не держим.

– После об этом. Мамон, одеваться!

Мамон уже стоял с платьем. Иоанн сел, чтобы надеть сапоги, но боярин, испуганный своим чрезмерным восклицанием, вместо сапог на ноги Иоанновы надевал охабень¹⁷.

– Дурень! – сказал Иоанн грозно, и Мамон уронил оха-

¹⁷ **Охабень** – верхняя одежда с прорезами под рукавами, четырехугольным откидным воротом.

бень. По счастью, прибежали очередные дети боярские, одели Иоанна, подали ему шапку и трость.

– Мамон едет со мною! Туши пожар, туши, не будешь вперед бояться!..

– Да я и так его не боюсь! Вольно же князю страшать невзначай. Пришел бы, сказал: Мамонушка, изволь открыть ясные очи.

– Изволь ехать.

И государь пошел вниз, пред ним дети боярские несли свечи и жезл. В главном переходе Иоанн остановился, заметив людей и шепот. Все приникли к стенам и, потупив глаза, онемели. Обратясь к князю Пестрому, Иоанн сказал грозно:

– Зачем детей пугать! Верно, проснулись и встали.

– Да и не ложились, надежа-государь! – отвечала одна из нянек.

– Как не ложились? – И государь спешно вошел на половину княгини Авдотьи Кирилловны... В переднем покое, дрожа от страха, стояли Елена и Феодосия. Рыдания княгини раздавались в другой комнате.

– Что тут случилось? – спросил тревожно Иоанн.

– Ах, государь родитель, – с плачем отозвалась Елена. – Вася пропал без вести.

– Какой Вася?..

– Наш Васенька, тетенькин сын. Перед вечернями уехал – ни слуху ни духу! Нигде не нашли! Пропала наша головушка!

– Васенька, добрый Васенька! – с плачем вторила сестре маленькая Феодосия.

– Да растолкуй, кто поумнее, какой Вася?..

– Сын княгини Авдотьи Кирилловны, – дрожа, сказал подоспевший на шум Стромилов. – Поехал с Алмазом к Мефодию учиться, и ни тот ни другой не воротились...

– Послать искать именем моим! Приеду – доложить, что окажется.

– Боже мой! Ему хуже, – раздался в переходе голос другой Елены. – Что же мистр Леон?

– Там что еще?..

– Ах, государь! Спаси меня, – говорила, рыдая, царица. – Муж мой.

Иоанн уже стоял у постели сына и расспрашивал о недуге.

– Это камчуга, – сказал Иоанн, – злая болезнь, если вначале нехватишь... Но сколько ни помню примеров, все выздоравливали. Вели, невестушка, теплым маслом ноги вытереть да погорячее бузины испить. Сын мой милый! Не допускай черной думы; мысль дает недугу крепость, а воля наша должна и болезнь мертвить. На слободе греки, видно, лишнее выпили и пожар затеяли. Еду тушить; ворочусь – зайду!..

– Греки! Греки!.. – возопила Елена. – Сердце вещее говорит мне, что и Ваню моего греки испортили...

– Вот уж и испортили; простудное зло... Будь покойна!

Иоанн вышел и остановился в коридоре перед Стромиловым.

– Отчего врачей нет, ленивый раб?

– Все были, государь, но ни одного Алена Степановна не приказала пускать. Все, говорит, греками подкуплены. Веле-ла сыскать мистра Леона...

– И вы не могли его сыскать во всю ночь!..

– Едет, едет, – кто-то крикнул с крыльца.

– Пусть обождет меня у сына!

Иоанн вышел и сел на коня.

Несмотря на ночь, несколько бояр и две сотни боярских детей в полной готовности ожидали Иоанна. Князь Федор Пестрый поехал вперед, за ним боярские дети с фонарями и царским жезлом, тогда уже государь с боярами и остальными боярскими детьми. Над Греческою слободою стояло небольшое зарево, на востоке светлело; Иоанн ехал рысью; возле, задыхаясь от тучности, на тесном седле подскакивал Мамон, но смешной вид боярина не обращал на себя внимания государя, как обыкновенно. Иоанн был приметно мрачен и погружен в тягостные размышления, он даже не заметил, как мистр Леон, ехавший во дворец, увидав государя, остановился, слез с лошади и отвесил земной поклон. Слобода была полна народом, большею частью зеваками; зрителей было много, но тушить никто не хотел, издалека был слышен шум разговоров; но едва заметили царский фонарь, все затихло; большая часть бросились по домам, но не успели; царское слово, что сокол, облетело боярских детей, и те загоняли обывателей на пожарище, как уток, и принуждали ту-

шить огонь. Когда государь подъехал к пожару, тушить уже было нечего: двор Меотаки представился сплошной громадой пламени; боярские дети оцепили пожарище, разломали заборы, чтобы не дать огню возможности распространиться.

– Чей двор горит? – спросил громко князь Пестрый...

– Греческого царевича, – отвечала какая-то женщина.

– Чей двор горит? – спросил громко князь Пестрый.

– А этот он сам взял за женой!..

– Так он успел уже жениться! Пошел, ушел – проворно! – воскликнул Мамон.

– Сегодня в ночь. Воротился откуда-то, кажется от Леона – я тут была у невесты, – говорит: что их ждать, еще помешают; я послал к отцу Мефодию, позвал свидетелей, пойдем обвенчаемся и концы в воду. Ведь тогда уже не развенчают, а свадебный пир после справим. Зоя не отнекивалась, приоделась; пошли вон в ту церковь, там, видно, их друзья ждали, воротились гурьбой; не знаю откуда, только достали всякого кушанья и вина разного. Пировали долго, верно бы, до обедни за столом досидели, да старый Ласкир занемог. Откуда ни возьмись, прибежал молодой князек Холмский и припал к боярину, давай его водой вспрыскивать, а тут и сын Ласкиров с мистром подоспели. Гости видят – врач пришел, их дело сторона; разошлись, а хозяева поскорее в спальню. Мистр Леон давай лечить Ласкира; всех с ног сбил: кого за горчичной лепешкой, кого за травой; когда я с горчицей прибежала, Ласкир уже шел домой, опираясь на князька и сына,

а мистр Леон убирал в комнате снадобья... Ну, слава те Господи. Приказал мистр Леон двери запереть и спать идти. Я так и сделала – улеглась на кухне; вдруг крик, шум, я выбежала, гляжу – все в огне. Люди стоят кругом, да любуются, да толкуют, порочат мою боярыню. Ништо ей, говорят: пусть не лезет в крали. Вот тебе и царевна и царевич!.. «А они там?» – спросил князек. «Там!» Он туда стрелой, так по его платью огни и забегали. Пропал. А за ним старик какой-то тоже бегом. Кричит: «Постой, Василий Данилыч! Умирать, так вместе. Прощайте, добрые люди». И этот пропал...

– Спроси ее, – сказал государь тихо Мамону, – что ж они, и не воротились?

– Ну, матушка, пошел-ушел, что же они, и не воротились?

– Ничего не знаем. Видно, что сгорели, а не то воротились бы...

Иоанн не вымолвил ни слова, но на лице было написано сильное волнение. Деревянное строение Меотаки горело недолго; боярские дети с помощью обывателей скоро залили пожарище... Не без труда железными вилами разрыли пепелище, но нашли только уголь; огонь не оставил никаких других признаков своих жертв... Между тем рассвело. Государь воротился в Кремль, въехал во двор, взошел на крыльцо с лицом печальным; глубокая дума сделала его невнимательным ко всему окружающему; на последней ступеньке оступился и, вероятно бы, упал, если бы ловкие чьи-то руки его не поддержали. Иоанн взглянул на своего спаси-

теля. Пред ним стоял Холмский-молодой: хотя и заплаканные, голубые очи сияли светом чистой, невинной души, русые кудри мягкими прядями в некотором беспорядке разбегались по молодому, но уже широким плечам. Он был в зеленом бархатном полукафтани, из-под которого видна была персидская шелковая рубашка, обшитая золотыми галунами. Хотя Холмский был сыном друга Иоаннова, хотя он жил вместе с детьми царскими, но Иоанн не знал Васи, тем более что князя в терема привезли младенцем; наверх с детьми он не ходил, а в нижних теремах Иоанн не был с тех пор, как туда переехала княгиня Авдотья Кирилловна. Государь пристально смотрел на Васю; тот, к удивлению Иоанна, покойно и весело выдерживал взор его, тот взор, от которого не одна женщина падала в обморок.

– Кто ты? – спросил государь.

– Твой раб и подданный Василий, князь Данилов, сын Холмский, – ответил юноша.

– Так это ты, Вася?.. – спросил государь, нахмурясь.

– Я, великий государь, Вася...

– Ты, Васенька, малолетний?

– Не малолетний, великий государь, я недоросль, как говорит матушка.

– Так это не ты в Греческой слободе бросился в огонь...

– Я и Алмаз, великий государь, мы оба бросились. Да разве мы что ни есть этим дурное сделали...

– Напротив того.

– Я так и знал, что ты, государь, похвалишь, а спроси матушку да свою супругу, государыню Софью Фоминишну, спроси-ка ненаглядных твоих царевен...

– Гм! Ну что ж они.

– Мыли мне голову, мыли, душно стало, выбежал на воздух освежиться. Пусть они и умные, и высокие, а у меня свой толк. Бог меня любит, выбежал я от бабьей грозы, а Господь помог мне поддержать тебя.

Иоанн был тронут, а это с ним редко случалось.

– Добрый ты сын любезного мне мужа, – сказал он. – Разум твой столь же чист, как и сердце. Сохранишь ли их во всегдашней чистоте?..

– И на это, государь, у меня свой толк.

Государь улыбнулся, а это была еще большая редкость.

– Что же случилось с Андреем и его женой? – спросил государь.

– Бог помог! Алмаз вынес Андрея Фомича, а я Зою, благо, что окна в сад низки.

– Где же оба?

– Мы отнесли их к Ласкиру. Их дымом одурило. Да еще при нас стали приходить в память.

– Князь Федор! Пошли сейчас туда Савву-врача от моего имени.

– Вася! – сказал Иоанн, положив руку на голову юноши. – Я тебя не забуду.

Князь Василий не выдержал, залился слезами и, схватив

руку Иоанна, стал целовать ее.

– До свиданья, Василий!

– Государь, коли так, – проговорил Вася, – то у меня есть просьба до тебя. Укажи государыне и всем нашим теремным, чтобы они перестали мне мыть голову и сердиться.

– Перестанут.

Иоанн вошел в коридор и спросил Стромилова:

– Что сын Иван?

– Лучше!

– Я так и думал.

Невестка встретила государя с лицом веселым, мистр Леон почтительно преклонился.

– Лучше, государь родитель, совсем лучше. Боль в ногах поутихла, только слабость.

– Мистр Леон, жалую тебя корабельником и шубой... Что, выздоровеет?

– Ручаюсь головой твоему царскому величеству.

– Помни слово, а что до титула, то латинских не жалую...

Мне с римским императором детей не крестить.

– Мне, подлому рабу твоему, противоречить не приходится, но долг совести велит, коли к слову пришлось, мне, верному и преданному слуге, не молчать, а говорить.

– О чем же говорить?

– Рыцарь Поппель здесь неспроста.

– Да это и каждый может догадаться.

– Прости дерзости гнусного раба твоего, но вряд ли дум-

ные твои советники смекают, зачем здесь Поппель... Он в Москве с женихом высоким.

Иоанн пристально посмотрел на Леона, но тот почтительно преклонился.

– Вот что! Далеко еще до свадьбы, а уж сватов засылают. Вот вчера была свадьба, так совсем без свах и сватов обошлись...

Все молчали, потупив глаза. Иоанн продолжал:

– Проказник Андрей женился на купчихе Зое. Вот вам и знатная сродница, а! Но дело сделано, не развенчать же их; теперь надо подумать и о подарках, им же и помощь нужна – погорели, бедняги, чуть самих спас Вася-орленок.

– Они спасены? – торопливо спросила Елена.

– Бог помог! Спасены! Меня этот брак нимало не удивил, но одно досадно. Это сильно огорчит Софью! Надо поспешить к ней на выручку. До свиданья.

Пока Иоанн сидел у сына, Вася с торжеством воротился к матери. Хотя Вася и отыскался, но тревога продолжалась по-прежнему. Софья Фоминишна в досаде ходила по комнате. Елена у окна плакала тихо, Феодосия, как и всегда, ей вторила, княгиня Авдотья Кирилловна ворчала.

– Срамник этакой! – сказала княгиня, увидав входящего Васю. – С хриstopродавцами и развратниками всю ночь провозился.

– Тетенька, – жалобно и со слезами перебила Елена. – Перестань!

– Перестань! – повторила и Феодосия.

– Пусть расскажет, пусть признается, где был, что делал, какому злу научался! Пусть выдаст злых советчиков, что на такой соблазн уломали...

– Где был, что делал? – заметила Софья с презрительной улыбкой. – Из усердия ко мне спасал сестрицу Зою! Не дал сгореть стыду моему и посрамлению... Недоросль, а схватил Зою, а не Андрея!

– Слышь! Отвечай же, полуночник ты этакой, зачем Зою, а не Андрея?

– Ох ты Господи, Господи! Да где же мне поднять такого слона!

– Не увертывайся, потаскушка ты этакой! Ты отца и мать обесчестил, знаешь ли, если дойдет до государя...

– Государь знает, матушка!

– Пропала моя головушка – погубил навеки.

– Боже ты мой, боже! Не кручинься, ненаглядная моя родительница! Государь не в тебя. Он за все пожаловал мне царское спасибо.

– Ах ты греховодник! Лгать на государя! Язык отыметя.

– Здравствуй, княгиня Авдотья Кирилловна! – сказал государь, входя в палату. Княгиня быстро поднялась и почтительно преклонилаь. Софья с принужденной улыбкой подошла к Иоанну.

– Слава тебе Господи! – шепотом сказал Вася. – Авось государь уймет их...

– Редкий гость, но я в долгу пред тобою, дорогая сродница...

Княгиня отвесила земной поклон.

– Что это ты, княгиня, тебе такие поклоны непристойны.

Василий бросился помочь матери подняться, но та оттолкнула его, сказав шепотом: «Отойди, срамник, ты мне не опора!»

– Вчера еще хотел зайти, да дела задержали. Вчера хотел благодарить за Данилу, а сегодня приходится благодарить и за сына. Добрый, умный он у тебя юноша, честь матери.

– Ах ты государь-солнышко, – радостно прошептал Вася.

Радость Елены была еще искреннее. Она вскрикнула: «Ага!» – и, прыгая, захлопала в ладоши. Иоанн нахмурился.

– Ты чему обрадовалась?

– Ах, батюшка, если бы ты знал, как тут ему досталось, мы с Феней плакали, плакали... Может ли быть, чтобы Вася сделал что ни есть дурное... Ведь не нарочно же он всю ночь не спал, видно, нужда была... Только и успел сказать, что двоих от огня спас; больше и говорить не дали...

– Прибавь еще, Леночка, что он спас и третьего от ушиба; а кто знает, что бы от того ушиба приключилось; в мои лета упасть с лестницы...

– Тебя! – вскрикнули все, а Леночка со слезами радости бросилась к Василию... – Ах ты, голубчик наш! Ну вот, тетенька, вот тебе!..

– Без упреков, дочь моя! – пуще и пуще хмурясь, сказал

Иоанн и сел в кресла; все заметили грозу на величественном лице Иоанна и присмирели. Даже Леночка тихо отошла к окошку и стала смотреть на тесный дворик. Долго Иоанн сидел молча, размышляя сам с собою. Вдох Софьи, подавлявшей нестерпимую досаду, разбудил его; он посмотрел на нее, и тучи стали расходиться, взоры яснили; он вынудил себя улыбнуться, и улыбка явилась.

– Знаю, что огорчило тебя, но эта весть не стоит печали.

– Ох, государь, супруг мой великий! Все это дело рук врагов моих, чтобы унизить в очах твоих бедную Софью...

– Врагов твоих? – с удивлением спросил государь. – Я их не знаю. Но если бы даже и были, то ты мало ценишь и любишь меня, когда можешь думать, что я позволю клевете раскрыть уста на тебя, мою дорогую супругу, мать детей моих и всей Руси. Может ли свадьба Андрея унижить Софью? Он унижал тебя более своим вдовством. Если бы он женился на дочери императора римского, но без любви, то не исправил бы своего разгульного нрава. Эту он любит без памяти, как юноша, а любимая жена чего не сделает. Признаюсь, я рад за Андрея. Он сам поймет, что там, где все знают род жены его, оставаться ему неловко, а мы поможем его отъезду казною. Я не давал ему денег на пирушки и шалости, а на жизнь добрую и спокойную – дам охотно. Тем более что спокойствие Софьи для меня дорого...

– Государь! Сколько милостей...

– Пока ни одной, только должное! Василий, поди скажи

казначею, чтобы пришел в рабочую палату... Леночка, возьми Феню, ступайте себе играть к няням... Княгиня, присядь к нам! Сколько лет Василию?..

– Шестнадцатый в Петровку покончил...

– Пора на службу. Для теремов он уже стар. Разум его чист, сердце не испорчено, но возраст приходит, когда человеку одному станет скучно. И что за жизнь в теремах сыну богатыря земли Русской! Ратная доблесть – великое достоинство, но оно плод честной совести и телесного здоровья! Дар Божий, возделывать его не надо. Но ратный ум должно воспитывать и развивать как правила добродетелей. Последнее ты совершила как нельзя лучше; сдай мне теперь сына на руки, да образу я из него мужа государственного, достойного преемника князю Даниле, достойного слугу моему Ивану...

– Мы все твои, государь, твори, что хочешь. Сама вижу, что он уж из недорослей вышел – только кто же за ним на Москве-то присмотрит.

– На Москве? Дорогая сродница, Москва не наука; Москву еще учить надо, и долго-долго, конца не вижу, а начинать надо. Пусть взглянет на государства соседние.

– Помилуй, государь-батюшка! Его убьют нехристи; дитя не разумное, пылкое, изловят в латинском али в жидовском соблазне...

– Стыдно, княгиня! Значит, ты моей о нем заботливости не веришь. Я сам у него в долгу, не говорю уже о Даниле.

Я ему дам опытного приставника, умного дядьку, который сохранит его яко зеницу своего ока. Доверься мне, княгиня!

– Государь! – встав на колени, сказала княгиня со слезами. – Я сберегла тебе детей твоих...

– Хочу воздать тебе мзду равную.

– Да будет по глаголу твоему...

– Аминь!

VI. Рабочая палата

Иоанн встал; благовест призывал к обедне; государь поцеловал княгиню в чело, дал ей поцеловать свою руку и ушел вместе с Софьей. У обедни были и дети, за ними поодаль стоял и Василий.

Когда литургия кончилась, Иоанн, выходя из церкви, поздравил Васю...

– Ко мне, в палату! – сказал Иоанн, и Василий пошел за государем в числе сановников, шедших по обычаю в рабочую государеву палату. Все было ново для Василия. Вчера впервые он вкусил сладость поцелуя, вчера он был участником в событиях загадочных и странных, сегодня из беззаботного недоросля он стал юношей, лично известным государю, с какою-то заслугою, которой важности он не мог постигнуть. Все вчерашние тайны, которые так волновали его, пропали сегодня, будто пена с вина; глаза его разбегались, он не знал, на кого и на что смотреть.

Рабочая палата государя помещалась в особом деревянном доме, она была довольно обширна; по правую руку дверь вела в ту узкую, длинную комнату, где, как мы видели, Патрикеев принял Никитина; по левую – дверь от приемной палаты или, лучше сказать, от покоя ожиданий; на скамьях, обитых красным сукном и медными пуговичками, сидели священство, бояре, воеводы, окольныхчи, дьяки, весь новый

московский чин, который тогда еще не получил полного устройства. В главной палате огромный дубовый стол, обитый кожей, небольшой налой и шесть кресел с высокими спинками, также обитые кожей, составляли убранство; зато на столе — рукописные книги в кожаных переплетах, свитки, ларцы, окованные серебром и простые, чучело какой-то редкой птицы, наконец, глобус земного шара, походивший видом на грушу, — все это лежало в беспорядке и было покрыто пылью, потому что Иоанн сюда не допускал прислуги, запирал палату собственноручно и ключ носил при себе. Ключ этот был позолочен, и, вероятно, от этого палата называлась золотой, — впоследствии была действительно в том же Кремле Золотая палата; может быть, первая подала мысль устроить последнюю. Вынув ключ, Иоанн подал его Мамону, тот отпер двери; Иоанн вошел в палату, обратился к иконам, осенил себя прежде знаменiem креста, положил шапку на налой, жезл поставил в угол, разводя рукою густые кудри; Мамон в это время подошел к правой двери, что вела к Патрикееву, отодвинул железную огромную задвижку и тихо вышел. Государь сел на свое место. Возведя глаза на икону, Иоанн долго смотрел на лик Спасителя, наконец, вздохнув, сказал тихо:

— Трудно.

И снял печати со свитков, лежавших перед ним на столе. Прочитав несколько слов первого свитка, Иоанн изменился в лице.

– Мамон!

Боярин тихо вошел из приемной палаты.

– Кто там есть из священства?..

– Только Нифонт Суздальский.

– И благо! Проси сюда!

Нифонт давно стоял перед государем, но Иоанн так был увлечен чтением, что не заметил его присутствия. По временам только он шептал: «Господи, спаси и помилуй!.. Нечестивцы!..» Дочитывая уже свиток, Иоанн встал с места, и вид его стал страшен. «Как! Алексей, Дионисий... На дворе моем! Быть не может!..» Тут только Иоанн заметил епископа и, обратясь к нему, сказал:

– Присядь, владыко! Дело важное, дело страшное! Боюсь верить...

– Государь, и я получил грамоту, о которой пришел сказать тайно, зане писана мужем, в иерархии знаменитым, сияющим добродетелью христианскою, яко солнце...

– Угадываю! Отец Иосиф Волоколамский достоин такой хвалы... Пастырь добрый, ты знаешь труды мои на пользу церкви, ты ведаешь, как внимательно и осторожно избирал я для каждой епархии святителей. Вассиан Тверской, Тихон Ростовский, Геннадий Новгородский, Симеон Рязанский, Прохор, Филофей и другие святители не обманули надежд моих, но Зосима...

Государь нахмурился...

– Он нам глава, государь, – тихо сказал Нифонт, – но не

мы его избрали на престол первосвятительский, на то была...

– Воля вашего государя! – гневно прервал Иоанн. – Протопоп Алексей, духовник мой, всегда восхвалял добродетели Зосимы. Одна уже открылась к соблазну христианства, вся Русь знает, что он пристрастен к вину... Трепещу, чтобы друг Алексея не разделил с ним и богоотступных мнений...

– Об этом-то пишет Иосиф...

Государь молчал, гневно глядя на Нифонта, тот потупил очи и сидел недвижно.

– Вот, владыко, – сказал он наконец голосом нетвердым, – Геннадий принялся за дело, как пристойно пастырю душ! В Новгороде началась жидовская ересь, тут и разгорелось сатанинское пламя; Геннадий, как пишет в этой грамоте, изложил и обличил всех сообщников; их везут на Москву, и горе богоотступникам!

– Нифонт, я избираю тебя моим помощником в этом трудном деле. Тайна и нелицеприятная правда – вот чего от тебя требую. На Зосиму не полагаюсь, но все указы должны идти от его имени. О каждом мне докладывай ежедневно вместе с Зосимой. Новгородских еретиков на Москву не ввезут, а придержат в Клину. А кто бы оттуда ни ехал, без моего ведома на Москву не впустят. С Зосимою ты будь неразлучен, и с кем он видаться будет и беседовать – отмечай и мне говори. Тех всех московских еретиков, что тут написаны, не забирать, но протопопу Дионисию наказать от имени моего,

чтобы ехал в село мое Рождественское вперед меня, а там его келейно допросить; а меж тем послать указ во все города быть собору на Москве всего священства, и чтобы епископы, архимандриты, игумены и старшее светское священство – чтобы все ехали на Москву неотложно, с поспехом, и кто приедет, сказать мне; ересь – древо о многих корнях, не изженешь всех, только труд потеряешь, а древу дашь высшую силу. Грамоту Геннадия пришлю к Зосиме, с указом чинить вам по сему делу с тобою сообща. Постой!

Государь написал несколько слов и позвал Мамона.

– Пошли с надежным человеком указ и эту грамоту к митрополиту, да гляди, чтобы тот, кого пошлешь, грамоты не умел разбирать; да не мешкая ни мига!.. По пути пошли ко мне Юрьича и Курицына... Прости, владыко! Не оставь меня твоими молитвами. Теперь ступай прямо к Зосиме; указ будет там прежде, а грамоту прочтете вместе. Испытую взором и словом совесть Зосимы; мне удавалось тем путем обличать искуснейших лицемеров. Благослови!..

Не успел Нифонт оставить рабочей палаты, как туда же взошли Курицын и несколько мгновений спустя Патрикеев.

– Садись, Юрьич, – сказал государь, и первый боярин, поклонясь низко, сел на кресло по левую руку, Курицын стоял за его креслом. – Казанские дела отвлекли нас от других дел, и теперь работы понабралось довольно. Федька, ты как был у короля Матвея, про римского императора, сыновей его и сродников ничего не разведал?..

– Я не считал того для твоего царского величества пригодным.

– Как же ты, Федька, не расчел того, что Польша стоит между нами и немцами; союз наш с римским императором стеснил бы моего соседа Казимира; с полудня – король Матвей, господарь Стефан да Менгли-Гирей, и нам бы выгоднее и удобнее было двигаться по Литовскому полю. Союз письменный, эта храмина из бранных и тленных грамот, – временная подмога; государственный муж теми союзами управляет, что веслами: сломается одно – другое возьмет. Сколько на белом свете было письменных союзов – вспомни, а скажи, который из них был исполнен?.. Есть союзы прочнейшие, и я для того хочу послать человека надежного, чтобы разведал и разузнал под рукою, что может нам быть выгодно. Дочери у меня подрастают. Выдать их замуж за кого из русских наших князей – значило бы поднять лежачих, которых повалить так много нам стоило. Я послал бы тебя, Федька, да ты мне здесь нужен... Есть ли у тебя на примете человек надежный?..

– Все слуги твоего царского величества надежны, но та беда, что чужеземных языков не понимают...

– Важное препятствие! На толмачей трудно полагаться. Я указал тебе набрать способных юношей и учить их...

– Государь великий, Иван Васильевич, я исполнил свято по твоему указу; двенадцать юношей прибраны и на посольском дворе у меня живут; учатся они исправно у Мефодия в школе греческому языку, а итальянскому да немецкому...

ходят с Греческой слободы серебряный мастер Лузо да пушкарь Майзер – хорошо учат; польскому и татарскому сам наставляю, а свейского учителя еще не приискал...

– Достань непременно. Свейское царство что туча, чреватая многими событиями для Москвы и Руси. Стен Стур плохой у них хозяин, он не разочтет, что для них полезнее бы было дружить с нами. Вижу его неразумие и готовлюсь. Я говорил князю Ивану Юрьичу, да и тебе, кажется, что не мешало бы послать кого сметливого в Копенгагу под таким образом, как у нас Поппель проживает: пусть, не будучи послом, посольское дело правит. Стен Стуровы замыслы теперь уже для меня не загадка. Лучше нам предупредить их быстрым походом в Гамскую землю, а датскому королю сказать, что мы то в угодность ему чиним, противу врагов его воюем. Теперь тому время. Посылай кого завтра же, только прежде покажи мне посланца...

– Не благоизволит ли твое царское величество отправить туда мистра Леона?

– Этого нельзя! Этот мне нужен и для сына, и для Поппеля...

– Поппелю, – отозвался Патрикеев, – я плохо верю. Что за посол, у которого двое слуг?..

– И двенадцать больших поместий в разных имперских странах. Он в личине странника, зачем ему посольский хвост. Ты, свояк, ничему не веришь; впрочем, я тебя за это и жалую... Я вам скажу, зачем здесь Поппель, вы оба долж-

ны знать – ваше то прямое дело; Поппель у нас сватом; меряет, придется ли Елена моя невестой жениху, но жениха, как вижу, не показал; твое дело, Курицын, подсмотреть того жениха: если римский король Максим – чета впору и польза не мнимая... Знаю я нравы западные, там женщины владеют правами, равными с мужчинами; по-человечески – оно и справедливо; на Москве того круто указать нельзя – соблазну будет много; пусть исподволь, если нужно. Изменять отцовских обычаев, безвредных, не хочу и не люблю. Показать открыто Поппелю дочь нельзя, а без того, знаю, жених будет опасаться женитьбы! И тем паче, что Москва для них из-за Польши едва видна; считали нас татарами, а теперь все еще признают нас их данниками, или, как называют по-своему, вассалами. Знаю, что если бы римский король увидал Леночку, то дело бы пошло скоро, но этому быть нельзя; пишут итальянские художники лики женщин, а мне самому такой привезли с Софьи Фоминишны, и лик тот много меня успокоил; к тому же Леночка – дитя; пусть художник при мне и для меня снимет ее образ, вот так разве...

Государь замолчал и задумался.

– Федька, – сказал он наконец, – Поппеля на Москве продержат переговорами, обещать ему, что я допущу его к руке и трапезе, а к императору послать через Датскую землю Юрья Трахонита: он два посольства зараз справит, и казны меньше надо...

– Боюсь, государь... – отозвался Патрикеев.

– Того я и ждал от *свояка*. Ну, в чем же твой страх?

– Боюсь я греков...

– Не думал я, что и ты, старик, походишь на мою невестку, что сама себе пугалища изобретает. Вы мои верные, старые слуги. Я к вам привык, но если бы я усмотрел в вас крамолу хитрую, то, смотря по вине, лишил бы милости или казнил.

Оба сановника вздрогнули.

– Мы служим тебе попросту, – сказал Патрикеев. – Мы русские, дорогá нам земля Русская и ее славный владыка, а грекам что? Им нужно серебро наше...

– И справедливо, потому что теперь у них своего нет...

– И не русское – всякое, лишь бы чужое, кто больше даст... А ты, государь великий, не возьми во гнев мое слово...

– Ты хочешь сказать, что я скуп; неправда, свояк, – не расточитель, не больше; где надо – дам лишнее, где можно – даю скудно; вот и теперь другу моему Менгли-Гирею пошлю три шубы: меха любит, а таких у него нет, и деньгами один корабельник – у него денег своих много: а из скудного дара хан заключит, что казна моя в нужде, и доброе сердце его дружелюбно затоскует... Я ему посылаю дар великий и дружбе нашей пристойный: посылаю целое царство Болгарское, ведь Мегмет-Аминь ему пасынок...

– Вот, государь, – заметил Патрикеев, – теперь, кажется, можно бы исполнить желание Менгли-Гирея: с дарами этими послать Нордоулата, брата ханского...

– Князь Иван, протри глаза, ты близорук, как Менгли-Гирей. Ни Айдара, ни Нордоулата не отпущу с Москвы: *добряки* – плохие сердцеведы. Менгли-Гирей пишет мне, что уступит Нордоулату полцарства, – значит, добровольно изгонит себя из другой половины; Нордоулат имеет хорошие качества, но в дружбе неизвестен, а Менгли-Гирей уже испытан. Не позволю другу учинить неразумного дела. Что вредно ему – вредно и мне... Вы знаете оба, как я опасюсь доброты крымского хана; я принужден читать все его письма, что пишет он к казанским и другим единоверцам... Что-то давно этих писем не было. Вот, свояк, ты говоришь, что я скуп. А зачем мне держать на большом жалованье шестерых ямских приставов на крымской границе?.. Хан думает, что я устроил эти ямы для его удобства, чтобы ему покойнее было с сродниками грамотами меняться, а того и не ведает, что все его грамоты большой круг через Москву делают, пока дойдут до своего места... Доброта Менгли-Гиреева много у меня времени отымает, а время мне дороже денег...

– А кому из бояр твое царское величество повелит с грамотами и дарами ехать? Не укажешь ли князю Василию Ивановичу Косому?..

– Моему сыну?.. – с удивлением спросил Патрикеев.

– Когда весть печальная или неважная, – перебил Иоанн, – можно и нужно посылать великое посольство, чтобы блеском и степенью посла придать ничтожному делу значение, но с казанской победой можно послать простого гонца. Впрочем,

на этот раз у меня есть особенные послы; ты, Федька, приготовь только сейчас грамоты, а имена я сам впишу, а какие дары – спроси у казначея, я ему дал уже роспись.

Курицын уже шел исполнить приказания, как государьворотил его.

– Федька! Ты имеешь учителей разным языкам; нет ли у тебя кого из светских, кто бы знал твердо язык еврейский?

Курицын невольно вздрогнул. Иоанн заметил это и подозвал его к себе поближе. Вперив в него испытующий взор, Иоанн сказал:

– Давно слышу про тайное зло, которое быстро разливается во многих христианских странах. Зовут его жидовскою кабалою; рассказы очевидцев дивят и ужасают. Говорят, будто кабалой можно закобалить чью хочешь душу, умертвить без ножа и отравы кого пожелаешь, изъять всякий недуг из тела или вложить в него новый. Утверждают, будто те, что заражены кабалою, отрекаются от имени христиан, исповедуют старый закон иудейский; я вижу, что ты ведаешь про эту ересь, но сам не заражен этим злом. Радуйся, что устоял противу соблазна, не то я сжег бы тебя живого... Так нет у тебя такого человека на посольском дворе?..

– Какого, государь?..

– Скоро же ты позабыл, о чем я спрашивал. Вспомни и исполни. Ступай!..

Курицын ушел.

– Ничего! – как будто про себя, сказал Иоанн. – Будет

осторожнее. Жаль, если я лишусь такого способного человека! Вот, князь Юван Юрьич, пришли плохие времена. Такая зараза – страшнее моровых поветрий! Прискорбна душа моя... Много тяжких испытаний упало на мою душу, и все вдруг. Тебе одному открою сердце мое, но, князь Иван, гляди, не покриви совестью! Знаю, сколько у меня недоброжелателей, а больно что? То, что никто за ними не смотрит.

Патрикеев встал и с видом упрека спросил:

– Как, государь? Разве мы?..

– Не перебивай меня! Ну, что же ты? Разве ты, например, знаешь, что Казимир выслал ко мне отравителя и что злодей уже третий день в Москве?

– Кто же это?

– Уж не меня бы о том следовало спрашивать. Не ты и не твои ленивые клеветы, а Бог любезной земли нашей сохранит и защитит Иоанна... Я всегда ожидал от Казимира подобного «подвига» и дождался. Но кого послал лукавый сосед, того никто не знает... Не боюсь смерти: она в руках Божьих; от Господа снисходит и ангел жизни, и ангел смерти; боюсь греха тяжкого, боюсь участия брата Андрея. Борис на такой грех не пойдет, но к измене также способен. Разве ты, например, знаешь, что у Бориса в Волоколамске проживает, к общему соблазну, польская боярыня с сыном и дочерью? Когда братья мне изменили и бежали в Литву, Борис жил в поместьях этой боярыни. Теперь затеяли, будто мужа ее посадили в темницу, а он покойно посольству-

ет в Немецкой земле; поместье будто отняли, а боярыня с детьми своими бежала, Борис будто из благодарности принял ее. Князь Иван! Эта женщина – посол Казимиров. Что же ты знал, свояк? Не упрекаю, но надо же подумать, что нам делать. К Успению хочу, пусть соберутся в Москву все родные. Посмотрим, кто приедет. Напиши к великой княгине Анне Васильевне, пусть и она, добрая моя сестра, для вида приедет; а знаешь ли ты еще, князь Иван, что тверской и верейский тайно были в Суздале у брата Андрея и прогостили у него на запасном дворе трое суток?.. То-то же, старик! – гневно заключил Иоанн. – Ты знаешь то, что все знают, а мне и знать бесполезно! Скажи мне еще, князь Иван, какой в Москве завелся нищий или юродивый, что ходит по улицам и Кремль зовет Иерихоном?.. И это не знаешь! Гей, Мамон! Князь Федор!..

Князь Федор Пестрый вошел в палату.

– Что наш юродивый? – спросил государь.

– Бежал в Псков, да за ним посланы надежные сыщики.

Как привезут, что повелишь чинить с ним?

– Отослать в кандалах на двор к митрополиту; пусть там сидит до указа... Теперь настает время трудное. Ересь разлилась, а мы с тобой, князь, ничего и не ведали. Тайные жи-ды имеют в Москве свои притоны, где беседуют и совещаются ночью, а Патрикеев не знает, а Пестрый по ночам не запирает решеток, как я указал. Слышь, Пестрый, теперь уже и не вели на время по улицам запирать рогаток, но в темных

местах расставь стражу и засады, чтобы примечали, где ночью бывают скопища, и доложи. Я указал, чтобы кабаки открывать только по воскресеньям, и то после обедни, а на многих улицах каждый день вином торгуют; теперь допусти везде, пусть каждый день пьют, да изволь только слушать, что вино будет рассказывать; а где заслышишь про кабалу или жидовскую ересь, вели тех вести на двор городской исправы. Да и самая-то исправа у тебя не в порядке, но этому я положу скоро конец. Патрикеев, ты наряди двух или трех опытных и надежных дворян, пусть и по Кремлю шарят, не завелась ли где чума. Допрашивать можете всех, кого зазрите, но пытаться без моего ведома не велите. Теперь ступайте, я не гневался на вас, но помните, что новое упущение будет губительно для виновного. Пошлите мне Якова Захарьича и князя Данилу.

Призванные не замедлили войти в палату. Чело Иоанна, дотоле нахмуренное, разгладилось. Боярин Яков Захарьевич Романов был люб Иоанну своим прямодушием, примерной честностью и искренним желанием водворить в России на прочных основаниях единодержавие. Князь Данило Щеня, богатырь, украшенный многими победами, после Холмского справедливо почитался искуснейшим полководцем московским. Иоанн обоим указал сесть, они сели. Государь отер пот с чела и сказал тихо боярину:

– Что слышно о Вятке?

– Я вчера еще докладывал тебе, государь, – сказал Романов, – что дерзкие твои вятские ослушники отуманили вое-

воду твоего Шестака Кутузова...

– Вятчане богаты, не беднее своих братцев новгородцев.

– Не думаю. Взятки Шестак не возьмет, а на хитрых словах изловить его нетрудно. Я был в Вятке, знаю их лисьи души; а пуще других Иван Оникеев. Этот поумнее, чем Марфа и все Борецкие, о двух личинах ходит. Если есть гости из Москвы, да знатного сана, так поклонами измучит, голова заболит откланиваться; а нет, так не то что в гридне своей – на улицах Москву поносит. А другой крамольник Пахом Лазарев. Этот уже и не хитрит, Москву на убой ругает, говорит, что Новгород ты взял как тать, а что вятчанам то пример и наука, чтобы словам твоим не верили, грамот бы не писали, а снаряжали бы полки; и что если увидят то соседи, на тебя встанут; что у тебя только и войска, что под Казанью, так теперь и пришло время вятскую честь и волю отстоять, не то рассеешь их по лицу земли Русской, как племя жидовское.

– И рассею. Вятская держава дожила до конца своего. Напиши Коробову в Тверь, в Устюг Звенцу, на Двину князю Ивану Лыке, да царю Мегмет-Аминю в Казань тоже, пусть пошлет татар своих; да возьмите отряд Поплева, всего тысяч шестьдесят наберется; начало поручаю тебе, Щеня? Разгроми Вятскую землю, грамот с ними не пиши: покаются от страха, а там опять примутся за старое. Нет, Данило. Город взять, городскую казну и Лазарева да Оникеева забрать и сюда прислать.

– Да уж и третьего злодея, Пашку Богоданщикова: он тво-

его вятского наместника с крыльца толкнул, из-за него поднялась резня и смута.

– И этого прислать, а горожан расписать и разослать в Боровск, Кременец и Дмитров – там жильцов мало, да так, чтобы в одну ночь разнять змея на части, а не то отчаяние доведет до лишней крови... А в сподручники себе кого похочешь взять?

– Я просил бы Гришку Морозова...

– Быть по-твоему!

– Великий государь, позволь слово молвить.

– Слушаю.

– Вятчан и я знаю. Хлынов взять труда не много, а что до людей, так эта вольница от одного твоего знамени разбежится; а места в той стороне пусты: трудно кормить рать, нарочито великую. Не укажешь ли дружине Поплевой да Двинским полкам...

– Нет! Знаю, что для Вятки эта рать слишком велика, да там есть и земля Арская, и князья арские! С чего они взяли, что Москва не глава всей Руси; ни дани не шлют, ни сами на поклон не ездят, так пришли мне их в цепях, а землю вместе с Вятскою приписать к Москве. Этим годом и покончим. Когда не станет их, полков не распускай, а перейди со всею ратью в Двинскую землю; норови так, чтобы в две-три недели поспеть в землю Гамскую, под Выборг, дальше не ходи. А когда тебе туда идти, пришлю указ. Татар не отпускай в Казань: не надо ей лишней силы...

– По мне, – сказал Яков Захарыич, – и теперь надо было поставить в Казани не царя, а твоего наместника...

– Рано, Яша, рано. Такой казанский царь и без того мой наместник, а между тем мы сделали угодное Менгли-Гирею. Казань по правде наша. Дани не платят, зато дары стоят больше, чем дань; ратными людьми служат мне точно так же, как Тверь и другие города. Что в Твери, тихо?

– Там про своего великого князя Михаила и забыли, а надо бы тебе туда ездить.

– Знаю, надо бы... Да времени нет...

– Всего не переделаешь, а по мне – пока везет, так не худо было бы достроить Русскую твою державу.

– Что ты разумеешь под этим?

– Разумею Псков и Рязань.

– Псков умнее Новгорода и Вятки. Повинуется слепо и рабски воле моей, исполняет свято тягостные указы, часто прихоти; они усерднее москвитян на службе, от них на Москву серебро ручьем льется – зачем иссушать источник? Наше дело не дать их силе окрепнуть; когда истомятся угождать Москве, тогда еще будет время уничтожить вече и переселить граждан, а теперь мне они нужны и против рыцарей. На свой счет немцев в страхе держат. Еще и то возьми в расчет, Яша, что Новгород уже не ганзейский город, хотя Ганза еще там купечествует, но более во Пскове, куда, как слышу, перебираются многие чужеземные купцы; Новгород до конца опустеет; Псков пока мне нужен. Если же я построю город

поближе к морю, о чем давно уже гадаю, тогда Пскову конец. А Рязань – удел любимой сестры Анны Васильевны... Пусть себе стоит Рязань... Это – дело моего сердца!..

– Государь, ты так не думал, когда добывал Тверь и уделы братьев твоих. Единство Руси было всегда твоею любимой мыслью. Не из жадности же все добыл ты умом великим!

– Ты прав, Яша; но Рязань что остров на Московском море; кругом наши земли – этого острова нечего опасаться; без смут, без крови сольется он в одну нераздельную державу. Я о Рязани не забочусь, я ее сестре будто на оброк отдал. Нет, Яша, если бы нам удалось вернуть города, что забрали у нас Гедимин, Ольгерд и Витовт? Это нужнее, это и труднее. Тут борьба долгая и упорная. Дай Бог на моем веку добраться до Смоленска, а Ивану моему уладить путь в Киев да в города курские и северские. Вот о чем я мыслю постоянно и прилежно. Об этом поговорить успеем, а теперь, Яша, пошли ты двух размыслов поискуснее, пусть осмотрят поморье в земле Новгородской да поищут, где бы город поставить сподручнее...

– Да об этом не велишь ли сказать Патрикееву? Кажется, это его дело...

– Кажется! Слово твое истинно. Правда, нет устройства в наших приказах, нет порядка между сановниками. Дела однородные в разных руках. Пора заняться этим важным делом. Позовите ко мне Гусева, если он здесь. Яков Захарыч, останься!

На смену князю Даниле вошел дьяк Владимир Гусев и, переступив порог, ударил, в полном смысле, челом государю.

– Здравствуй, Володька! – сказал Иоанн. – Опять с пустыми руками?

– Нет, государь, в сенях твоих оставил я больше ста судебных и других грамот.

– Скоро ли ты мне скажешь, что ты собрал все?

– Государь великий, трудно одному управиться. Государи, великие князья, державные твои предки, не на одной Москве уставляли и судили дела судные и земские. И во Владимире, и в Суздале, и в Твери, и в Рязани, даже на Белоозере и Вологде чинили суд и расправу и грамоты записывали; и грамоты в тех городах почिют доселе, а из них многое делу было бы пригодно. Судебник повелениям твоим, великий государь, над всею Русью один стоять должен, а оттого одной стороне будет трудно, а другой льготно.

– Например?

– А вот, например, о полевых пошлинах скажу. Московский подлый народ весь списан и на боярских детей разверстан; знают они земскую и господскую службу и кому на войну идти. Указал ты им, сколько с трех коробей посева платить деньгой и сколько зерном, и казначей твой мне сказывал, что московский люд платит исправно, а в Двинской земле тех полевых пошлин и платить не могут – там денег мало, а прибыток главный не от сохи; а в Пермской земле – еще хуже.

— Пусть закон пока стоит как есть. А ты с казначеем да призови с городов наших приказчиков, или, чтобы от дела их не отнять, пусть пришлют по знающему сборщику, и как все соберутся, так ты полевые и всяческие пошлины и поборы с ними размысли и примерно на вид положи, согласуя подать с произведениями земли и другими источниками прибытка. А что ты сказывал о грамотах, так Яков Захарьевич сегодня же укажет по всем городам обыскать тайники дворцовые и монастырские и на Москву к новому году свезти к тебе, Володьке, на двор. А что до разрядов, то быть тому, Володька, как я уже уставил. На деле мера хвалится. Теперь, с какой стороны война ни загорится, войско на первую нужду местное есть. По этой части разрядным порядком я доволен. Надеюсь, что Холмский, Щеня и Стрига поставят войско в такое устройство, в каком оно у брата Матвея венгерского еще не бывало. Те разряды совсем отставь. Что в Судебник об этом вписать, то тебе Холмский передаст в свое время. А вот, Володька, ты займись другим делом, пока с городов грамоты пришлют. Царство Белой Руси, изволением Господним, разрослось, а дворецкий и весь городской чин стоит попрежнему, как бывало, на дворах малых и скудных, что государственному величию державы уже непристойно. Ты у Курицына спроси, как тот чин устроен у кесаря, у венгерского, польского королей и у других, и на вид положи сообща с Патрикеевым, Яшей и Курицыным, как быть и нашему государственному чину, дворецкому особо, а городскому осо-

бо; и о приказах, которому что ведать, а я рассмотрю и исправлю. И это, Володька, дело спешное. На новый год быть и новому чину. Ступай!

– Бью челом тебе, великий государь, дай слово молвить.

– Говори!

– Многого и в старых, и в твоих грамотах нет; а обычай тому закон, а другое ты на словах уставил, и по глаголу твоему исполняется. Так вносить в Судебник или нет?

– Например?

– Помнить изволишь ли, государь великий, был на Москве знатный боец, из ярославлян; где только поле, его и нанимают. Никто с ним уже и не единоборничал...

– А Моггявич Литвин его хитростью убил... Помню, так что ж?

– Посмотрев на того Литвина, ты, великий государь, соизволил плюнуть и указать: к полю судному своих с чужеземцами не пускать...

– По найму и не пускать, а для Судебника ты все собери, что знаешь, слышал или услышишь.

– Так и про ямы, что ты указал построить для конской гоньбы под послов и гонцов...

– Сказал я тебе: все, а как соберешь, я рассмотрю и исправлю. Ступай, да позови ко мне Юрия Захарыча, если он здесь.

Брат Якова Захарыча, Юрий, хотя и носил звание боярина и дворцового казначея, но в существе он был уже государь-

ственным казначеем и управлял всеми доходами и расходами московскими. Он так же точно, как и брат, пользовался особенным доверием государя. Он вошел и по знаку Иоанна сел против брата.

– Я и забыл, дела помешали, а я вам еще не сказал, что Андрей Фомич, как слухи ходили, так и сделал. Сочетался с купчихой Зоей Меотаки законным браком сегодня в ночь. Надо поздравить; вели, Юрий Захарыч, приготовить ему ларец с казной в три тысячи гривен, без печатей, да две шубы: одну, лисью, Андрею да кунью его супруге; да лунскую однорядку с лаловыми пуговками, шелковых тканей и сукна, шесть лошадей да бочку вина, а Зое яхонтовое ожерелье. Станет с него на путевые издержки.

– А с кем укажешь отослать?..

– Вели только приготовить, а посланца я к тебе пришлю. Что, нового у тебя ничего?..

– Ничего такого, что бы стоило твоего внимания. У тебя и без меня много дела. Не смею пустыми делами тебя, государь, утруждать. Но, виноват, забыл, есть одно дело: зодчие твои Марко, да Антон, и Петр говорят, что они теперь все покончили и им нечего строить, потому что палаты твои, что за Благовещенским собором, другой строит. Что укажешь делать этим трем?

– Прах отцов наших покойся в бедной Михайловской церкви – непристойно. Для того думаю воздвигнуть тут же собор во имя архистратига архангела Михаила, пусть соста-

вят чертежи и сметы. Скажи им, пусть не скучают; в голове у меня много зданий необходимых, да я на тебя, боярин, оглядываюсь, да на соседей, что грозят войною ежедневной; много, много казны надо. Обнес бы я не Кремль один, а все посады московские стеною каменною с могучими стрельницами, если бы не Казимир, не Стен Стур, да ливонские немцы, да татары, что удалось растворить будто соль в воде, нельзя ей дать осесть... Куда ни глянь, везде большой казны надо... Но все-таки за Архангельский собор пора приниматься... У тебя все художники под рукою; есть у тебя и живописец фряжский Чекол. Пришли его ко мне сегодня после вечерни, когда я в садах ходить буду. А Павлу Фрязину, пушкарю, скажи, что, когда он будет лить большую пушку, пусть даст знать – хочу видеть. Еще тебе забыл сказать, что большое блюдо, которое вырезывал Иван Фрязин, так тонко, что, когда намени стояло под кушаньем, края обтянуло. Так скажи ему, чтобы другие делал толще да украшал не мальчишками нагими, а цветами, плодами и листьями, а то непристойно. Им, развратникам, нипочем; они у меня в теремах вместо столбиков тоже нагишей болванчиков начертили; хорошо, что я чертеж рассмотрел. Юрий Захарьевич, ты все, что я сказал, исполни, а сам после вечерни тоже ко мне в сады приходи. Гей! Мамон, кто там еще в сенях?

– Которые без дела на поклон приходили, пошли обедать, остались купчина приезжий да молодой князек...

– Зови сюда Никитина.

Никитин сменил бояр; он тремя земными поклонами приветствовал Иоанна, тот рукою дал знак подойти поближе.

– Присядь, старик!

– Великий и могущественный царь, государь, великий князь Иван Васильевич! Я, благодаря Господу, далек еще от хилой дряхлости и пред тобою, солнцем земли Русской, не сяду.

– Как волишь! А был ты у Курицына, познакомился с обязанностями дьяка Посольского приказа?..

– Был, да он мне ничего не сказал.

– Так я тебя наставляю. Дьяков тех держу для того, чтобы посольское дело при государях чужеземных справляли, чтобы, проживая в городах благоустроенных, внимательно рассматривали городской и земский порядок и о том мне правдиво и докладно доносили. В приказе у меня уже немало дьяков искусных, но нет ни одного, который бы знал так много языков, как ты, и умел так нравиться, как ты понравился другу моему Менгли-Гирею. Лета твои меня останавливают, но если бы не то, я послал бы тебя далече...

– Хоть на край света укажи, творец русской державы! Я видел многих государей, и мне виднее твое могущество и величие...

– Ты видел, значит, и великого султана?

– Видел, государь, и не один раз.

– И что ж?

– Как тебе донести... В Бедере видел я его; несли его на

золотой кровати, а он себе лежал во всю салтанскую длину, а над ним, не во гнев будь сказано, четыре наложницы стоят и перьями диковинной птицы чинно в лад помахивают. Он больно молод и, да не будет тебе противно, от любопытствия больно худ; неудивительно, потому что у него два войска; мужское войско одно, и огромное, огромное; триста тысяч с ним ходит на простую войну, а когда война поважнее, мильон людей с собой забирает. Правда, все это вольница, все вразброд, кто на слонах, кто на конях, кто пеший; сами они вооружены ослонами с пикой, у иных мечи; а пуще у них слоны что подвижные твердыни. Уберут слонов доспехами, к рылу привяжут длинные мечи, на слона сядет двенадцать – пятнадцать человек – земля дрожит, как это войско идет.

– А другое же войско какое?

– Женское, государь! Всех женщин-телохранительниц будет за тысячу; в сборе я их видел только в Бедере; за городом пир был, тут все они за столами сидели, не так, как в других магометанских царствах, где женщин прячут. Нет, тут все на воле, ели и пили они не хуже мужчин, к концу пира, видно, вино свое взяло, распелись и расплясались перед салтаном. Каждая старается выказать свою красоту и салтану понравиться, а он и ловит тех, что полюбятся больше, да на ковер к себе и посадит; я считал, насадил он к себе шесть таких плясуний да и махнул рукой. Челядь, богато одетая, подхватила его, уложила на золотую кровать; по краям те шесть женщин сели; их и понесли всех во дворец, а те, что остались, про-

должали еще долго плясать и тешиться, не смею твой царский слух таким соблазном оскорблять...

– Говори! Нравы и обычаи каждого народа любопытны и поучительны.

– Осмелюсь думать, что у хоросанских индийцев не многому можно научиться, разве соблазну и всякой скверне... Прости и помилуй, великий государь, а все эти женщины мужчинам на шею вешаются; я заподлинно узнал, что редкая из них не ведьма, оттого-то они при таком задорном поведении чарами салтана обольщают; тем более что и красота у них самая подлая; черно-бурые такие есть, есть и побелее, да те не в таком почете; у бояр тоже есть свои полки женские, да поменьше, а салтан и на охоту без того не ездит, чтобы с ним не было ста телохранительниц и ста обезьян. Бояр также носят, только не на золотой, а на серебряных кроватях они тоже лежат; есть кровати, что несут их сидя, только в этих носят во дворец да за делом быстрым. Коней у каждого много, кони отличные, только их ведут впереди перед кроватью, ради чванства; ни один на коня не сядет, если салтану не вздумается самому на лошадь сесть.

– Значит, народ богатый.

– Нет, государь, беднейший; еще хоросанцы, те военное дело справляют, грабежом живут, у тех еще деньги водятся и одеты получше, а индийцы – чуть не нагишом ходят и не плодятся совсем, потому что женщин больно мало; брак у них есть, да не женятся, потому что разные веры; всех вер

я насчитал восемьдесят четыре; одни других чуждаются, не станут есть и пить вместе, не роднятся, не женятся, а так без брака хоросанцы индианками не брезгают и в наложницы, прости, государь, слову, охотно их берут; не приведи Господи, что деется; не видел бы – и не поверил.

– Какая же у них главная вера?

– У них бог – Буту али Брама, обезьяна с хвостом, а в руках копье; так я его видел вырезанным на одной стене в индийском Иерусалиме...

– А это что такое?

– Большое каменное здание, такое большое, что одно будет с пол-Твери; заплутаешься в переходах; и точно, больше на сказочной терем похоже, чем на хоромы. Когда я первый раз оттуда вышел, думал, что во сне все видел. Перед тою обезьяной бык стоит, да такой великий, что с иную кремлевскую стрельницу будет. Кое-где позолочен, весь из черного камня; глупый народ бросает ему цветы, камню холодному, и целует в копыто.

– Чем же славится эта страна?

– По всему Востоку говорят, что Бедер – рай купечества. Я не могу того же сказать. Перец, краски, сахар, шелк – правда, хороши и дешевы, но все другие товары и дороги, и не лучшего разряда; пожалуй, еще лошади – да как их оттуда к нам привезти? А вот алмазная гора так диковинка. Гора эта будет от Бедера верстах в трехстах; она не салтанская, знатного одного боярина Мелекхана вотчина. Там алмаз рождается

и множится; локоть земли на той горе продает Мелек за две тысячи фунтов золота и больше; и не диво, потому что одна алмазная почка на наш счет стоит рублей десять, а сколько таких почек на всей глубине народится – кто изочтет?

– И ты купил таких почек?

– Нет, государь великий, чищенных было у меня немало, да кафинские паши обобрали; из самоцветных вещей только одно ожерелье уцелело. А были такие камни, каких и во дворце салтана бедерского я не видел ни на одной стене...

– Неужели и стены самоцветами убраны?

– Дворец салтана бедерского – велелепые хоромы. Камня простого али голого не увидишь. Кругом резьба, золото; самоцветных покоев три, узорами в стены камень вправлен; глядишь и слепнешь. А возле дворца, тут же торчат избы на курьих ножках, и бедность жильцов не спасает. Воровство и разбой народ разоряют; правда, факельщики всю ночь по городу разъезжают, да, по-моему, и глупо, что с огнем; от света вор бежит и видит, где темно и неопасно. Мы, купцы, товар берегли и на гостином дворе, и жили вместе, и свою стражу держали, и уж ездили вместе; один другого поджидаем, грузимся и едем гурьбой, обозом, это у них караваном зовут; все ж не один раз нападали на нас разного племени разбойники, да благо нас было много.

– Куда же поехали другие купцы?

– До Требизонта мы шли вместе, тут я сел с товарами на корабль, а их оставил: они в разные страны норовили. Не у

всякого купца, великий государь, есть отечество. У многих у купцов отчизна и семья один барыш. Торг обогащает достаток и развращает сердце. Говорят: честный барыш; какой же барыш честный, когда возьмешь две гривны на сто али десять и больше? А я знаю, что на самоцветах товарищи зарабатывали впятеро противу цены.

— Неразумно покупать у купцов драгоценные вещи, но по случаю можно и должно. В моем казначействе набралось этого добра немало, а денег я на него истратил самую малость. Много было у нас на Москве таких драгоценностей, но во время Дмитрия Донского Тохтамыш все расхитил; пуще всего жаль жемчужины, она теперь попала в руки к царице Нур-Салтан. Я подарил ее сыну царство; не думаю, чтобы она не уважила меня Тохтамышевой жемчужиной. Так вот, Никитин! Коли ты на свою старость не жалуешься и волю мою берешься исполнить, так я желал бы, чтобы ты отправился к Менгли-Гирею с дарами, грамотами и собственноручным письмом моим, ни дня не откладывая. Дам я тебе и людей, и казны, сколько нужно, да в придачу спутника для дороги нескучного, юношу мне любезного, князя Василия сына Холмского. Береги его, яко зеницу ока, и доноси, что за ним доброго или худого заметишь. Похвально избирать для государственного дела к себе в помощники людей достойных, но еще полезнее, еще благоразумнее готовить им знающих и добродетельных преемников; тогда насаждай и семена таких растений, которые принесут плоды самые поздние, их же

увидит внук, правнук. Тогда благо насажденное не испортит неискусная рука вертоградаря, и Русь, как труп, рассеченный на многие части изволением Божиим, сложенный ныне воедино, срастется, оживет и встанет исполином. Будет тебе наказ за тремя печатями: первую снимешь, когда приедешь к Менгли-Гирею и по наказу исполнишь, а когда исполнишь, снимешь вторую печать, так же сделаешь и с третьей. Князь Василий не посол, а в ученье тебе отдан, но для виду вторым послом будет в грамотах прописан. Гей, Мамон! Позови молодца нашего...

Вася вошел в рабочую палату и остановился; он не знал, что он должен делать, но государь его наставил:

– Поклонись, князь...

Тот поклонился почтительно...

– Не так, князь! Земной поклон! Вот теперь так! Ты кланяешься не мне, а моему сану... Подойди поближе... Это уж слишком близко, отойди от меня шагов на шесть, вот так! Руки не должны разгуливать, когда говоришь со старшими, тем паче с твоим государем; погляди, как стоит Афонька, так и ты стой...

– Да я, госу...

– Молчи! Когда тебя спросят, тогда отвечай, а теперь и твоего ответа не надо, теперь ты выслушай и свято исполни. Жалую тебя, князя Василья, князя Данилина сына Холмского, московским дворцовым дворянином... Смирно... Опять руки заходили? Приписал я тебя к Посольскому приказу и

назначил вторым послом в Крым.

– Меня?

– Опять? Служить тебе верно, как крест целовал, а крест целовать тебе в Успенском соборе, по указу, сего же дня, а завтра в путь!..

– Завтра?

– Ступай теперь же к матери и простись, да не мешкай; оттуда ступай к казначею, он тебе даст людей и дары, ты отнеси их к Андрею Палеологу, поздравь от меня; возвратясь, ступайте в собор на крестное целование; потом переедешь к Никитину, к первому послу, там вас снарядят в путь и завтра в дорогу. Не желал бы я, чтобы весть о взятии Казани дошла к царю раньше послов моих. Надеюсь, что вы оба достойно исполните поручение, а теперь прощайте!

Когда Василий поцеловал государеву руку, Иоанн положил ее на плечо юноши.

– Ну, князь Василий Данилович! Ты ступил на поприще родителя.

Сказав это, Иоанн ушел в левую дверь, к Патрикееву.

VII. Три посольства

В теремах уже пообедали, и не без грусти. Васино место было не занято. У княгини несколько раз наворачивались слезы, но, видя, что обе царевны то и дело глядят на нее, она старалась пересилить тоску и казаться веселою. Софьи Фоминышны не было, она давно пошла в столовую гридню и там с невесткою Еленой Степановной и боярином Ощерой ожидала государя, которого, как мы видели, задержали дела; и Софья и Елена сидели молча и занимались рукодельем. Вязали что-то на палочках, а боярин истощал все свое остроумие, чтобы развеселить княгинь, но обе хранили вид совершенного равнодушия, изредка поглядывая на двери. Елена, озабоченная недугом мужа, два раза уже ходила к нему и возвращалась, казалось, покойною. Видя, что государь не идет, она пошла в третий раз; в коридоре она наткнулась на Васю, который, повеся голову, в глубокой задумчивости шел на роковое прощание. Князь Вася почтительно отступил и сказал тихо:

– Государыня царевна, извини моему раздумью... Не видал...

– Не хотел видеть! А я так все вижу... Все... От меня не укроешься: не знает государь, а узнает...

– Что же он узнает? – спросил изумленный Василий. А если узнает про Ивана Максимова, точно рассердится и ве-

лит вместе с мистром Леоном на сковороде жарить. – Я уезжаю, государыня Елена Степановна, но глаз мой останется здесь... Желание твое уже исполнено, ты отомщена; Ивану Максимову и трудиться не надо, но теперь моя очередь!

Елена оторопела. Хотя она и не могла понять настоящего смысла этой речи, но ей нетрудно было догадаться, что в руках Васи есть тайны; добыть их из откровенного сердца юноши, казалось, так легко. Елена принудила себя улыбнуться и сказала ласково:

– Тебе мстить! Кому это может прийти в голову! Уж не вчерашнее ли твое слово?.. Нет, мой милый, на детей, да еще таких добрых, как ты, сердиться грешно; может быть, я и сказала что ни есть в сердцах, но тогда же и забыла... Куда же ты, Вася, едешь?

– В Крым – послом!

– Послом!

Двери растворились с детской половины. Леночка, Феня, княгиня Авдотья Кирилловна, няни – все хором воскликнули:

– В Крым, послом!

– Поздравляю! – уходя, сказала с досадой Елена. – Желаю счастливого пути.

– Благодарю, государыня княгиня, это, как мне теперь сдается, твой подарок. Одолжила...

– В Крым! К татарам! – увлекая Васю, восклицала княгиня. – Да там просто Содом; там море соблазна, хан греховод-

ник, и все, все... Погибла моя головушка; детище бедное и неразумное, что с тобой хотят сделать!

– Хотят меня сделать человеком, – с притворною твердостью сказал Вася, стараясь не смотреть на мать и царевен. – Хотят... Я не знаю, чего от меня хотят. Знаю только, что на то воля государя, поэтому и Божия тут.

Княгиня также припомнила беседу Иоанна и также старалась притвориться покойною...

– С кем же ты едешь, Вася?

– С Никитиным, тем, что четки тебе поднес.

– Муж опытный и разумный. Благодарю и за это. Когда же ты едешь, Вася?

– Я пришел проститься с тобою и принять твое благословение.

– Господи! Неужели?..

– Завтра, чуть свет! – дрожащим голосом продолжал Вася. – Родимая, ненаглядная, благослови...

Вася упал перед матерью на колени, зарыдал – и поднялся вой; даже няни плакали навзрыд, а уж о царевнах и говорить нечего. Сначала княгиня, ухватив обеими руками голову Васи, осыпая ее поцелуями, обливая слезами, кричала: «Не отдам, не могу». Леночка и за ней Феня кричали: «Не давай, тетка, не давай!» Но мало-помалу опомнясь, княгиня в самых нежных, умилительных словах стала призывать благословение Божие на драгоценного сына, сняла с себя крест с мощами, надела на Васю и осенила его несколько раз зна-

мением креста; он встал...

– Ты идешь? Нет, мой сын, еще, еще миг только...

И мать с нежностью обняла Васю... Голова юноши кружилась, сердце билось сильно; улучив мгновение, он вырвался из объятий матери и, закричав: «Прощайте», убежал без оглядки.

– А со мною, Вася, ты не простишься? – в слезах вскрикнула Елена.

– А со мною? – повторила Феодосия.

Напрасно. Васи уже не было; в казначейскую палату он вбежал запыхавшись и как вкопанный остановился перед столом, за которым сидел боярин Юрий Захарьевич. Вася опомнился, поклонился, оглянулся и, с трудом переводя дух, спросил:

– А где же подарки? Пора!

– Насилу мы дождались тебя, князь Василий! Откуда ты это так спешно бежал?..

– Спроси лучше – куда? Я замешкался, так спешил исполнить волю государя. Где же подарки?

– Вот Афанасью Никитину сданы на руки. Он тебе сподручник в этом посольстве по государеву указу, так как ты ему – в Крымском.

– Так можем ехать.

– Люди повезут сундуки и мешки за вами...

– Прощения просим, боярин!

– Василий, ты мне приходишься родственником, а по ува-

жению к твоему знаменитому отцу ты мне больше чем родной: береги чистоту сердца, которою ты обратил на себя внимание государя, а прочее само придет...

— Боярин, у кого есть такие образцы, как ты, да брат твой, да отец мой, тому легко идти путем добрым. Сердце? Сердце мое чисто, да болит оно что-то.

— Бог милостив, — с улыбкой сказал боярин. — Проездишь, прогуляешься, свет посмотришь, и пройдет. Прости, любезный князь. Господь сохранит тебя в утешение государю и всему царству. Прости!

Князь Василий, Никитин и несколько слуг дворцовых повезли подарки в Греческую слободу; пепелище двора Меотакки еще дымилось; так как академия не сгорела, а новообращенным деваться было некуда, то Андрей послал сказать Мефодию: пусть себе ищет другого помещения; академия же по указу его, Андрея Палеолога, обращается в его походный дворец. Послы этого не знали и заехали к Ласкиру, где Вася оставил молодую чету, но Дмитрий встретил их у ворот с лицом печальным и объявил о новоселье Андрея.

Сойдя с лошадей, послы пошли пешком, потому что до академии оставалось несколько шагов, но больше потому, что Васе хотелось переговорить с Ласкиром.

— Митя! Я устоял в слове! Я смолчал про мистра Леона, но совесть моя не покойна...

— И без нас, князь, все откроется. Кажется, про ересь уже и дошло до государя. Несколько гонцов с Москвы уже про-

бежало на слободу; Хаим Мовша уехал из Москвы, давеча, не больше на десяти подводах, будто бы в Тверь купечествовать...

– Боюсь я, чтобы и мистр Леон не ушел...

– И этот был у нас, будто бы проведать про здоровье отца, но ты сам знаешь, зачем он был? Глаза у него что уголья... Он долго смотрел на пепелище из окна и не выдержал, сказал: «Жаль! Напрасный пожар!» Князь, как ты думаешь, а мне кажется, что этот пожар – дело рук мистра Леона.

– Легко статься может: от такого чудовища всего жди. Вот почему совесть меня мучит, что мы смолчали. Он теперь лечит царевича, по теремам без опасы ходит Я уезжаю. Кто присматривает за этим гадом?..

– Ты едешь? Куда?

– Государь посылает меня в Крым вторым послом, и завтра же.

– И завтра же! Значит, государь догадался...

– О чем, Митя, ради бога, о чем?

– О сердце твоём: что оно больно полно царевной Еленой...

– Ну так что ж? Разве грех?..

– Не грех, а болезнь... Послали полечиться... Вчера у мистра Леона был Поппель, помнишь? Я не успел тебе пересказать, о чем они толковали. Поппель сватает Елену за императорского сына или за кого другого важного человека, так тут уже своих женихов не нужно...

Вася остановился. Он глядел то на Ласкира, то на Никитина, но так странно, что обоим стало неловко. Есть минуты поистине решительные, когда наш образ мыслей вдруг изменяет направление; чувства, быстрым потоком бежавшие своим путем к неопределенной цели, как будто встретили скалу, ударились и потекли совершенно в другую сторону; что ощущало сердце в неопределенном образе, то высказалось и определилось; иногда в эту минуту одно чувство, пылавшее в сердце, как будто вспыхивает, выгорает дотла и заменяется другим, часто совершенно противоположным.

Нередко в эти минуты легкомысленный становится благоразумным, мудрый теряет рассудок, негодяй степенится, добродетельный превращается в злодея. Эти минуты застигают человека в раннем возрасте и нередко создают то, что по-ученому зовут характером. Что случилось с Васей, увидим; только он совершенно изменился в лице, побледнел, губы дрожали, взгляд искренний, веселый отуманился оттенком подозрительности. Он преобразился.

— Что с тобою, князь? — спросил заботливо Никитин.

— Ничего. Ночь не спал; расклеился, устал... Но вот, слава богу, мы уже у берега...

В академическом саду было много гостей, в том числе и мистр Леон. Андрей важничал: он был занят Зоей, но другого Рало объявил гостям, что он окончит грамоту к турецкому султану и тогда примет поздравление своих доброжелателей. Послы царские были тотчас же допущены к Палеологу.

Вася не узнал аудитории, в которой еще вчера слушал греческую мудрость Мефодия. Эта комната, или, лучше сказать, беседка, была перегорожена богатой тканью. Скамейки ученические и столы были покрыты ларцами, мешками, поставами сукон и кусками материй; слуги Рало то и дело приносили с пепелища новые; Палеолог стоял у окна, обняв Зою, и не спускал глаз с носильщиков; когда послы вошли в академию, Палеолог сказал жене:

– Зоюшка, присмотри же за своим добром и восхваляя благоразумие покойника, а мы поспешим принять послов нашего брата Иоанна. Ба, ба, оба знакомые! А один к тому же – наш спаситель...

– Боже мой! – вскрикнула Зоя. – Холмский? Князь, извини, мы тебя принимаем по-походному...

– Извини, Зоюшка! – перебил Андрей. – Не изволь отходить от окна ни на шаг и глаз не спускай с подвалов. Не то расхитят добро твое. Вот, князь, что значит благоразумная предусмотрительность. Меотакі построил дом деревянный, а подвалы каменные и с такими сводами, что их и огнем не прошибло; а всю свою казну, товары и вина спрятал под те своды, так что пожар взял только то, что нам с Зоей не нужно уже: деревянную избу, а нам на Москве и каменных хором не надо: мы едем отсюда, как только брат Иоанн отпустит...

– Государь твоему отъезду перечить не хочет, – сказал князь.

– Я так и знал, а денег не дает...

– Нет, он прислал поздравить тебя и супругу...

– Много благодарны.

– Ларец с казной...

– Рублей десять...

– Три тысячи гривен.

– Великий Иоанн, истинно великий, я утверждаю за ним это титуло.

– Лисью шубу тебе, кунью твоей супруге...

– Спасибо. Верю его мудрости, ибо только мудрый летом помнит о зиме.

– Лунскую однорядку с лаловыми пуговками.

– Великолепный Иоанн, он понимает, Палеологу нельзя ходить в веницейской хламиде или в охабне.

– Высокой супруге твоей яхонтовое ожерелье.

– Да из чего он женитьбе моей так обрадовался? Не перед добром так расщедрился...

– Сукна и шелковые ткани, парчи.

– Этого добра и своего довольно, да все же спасибо; можно перевести на деньги – на Москве охотники найдутся.

– Бочку вина старого.

– Выпью один за его здоровье! Этого добра таскать с собою не стану. Я изумлен его щедростью, но все не могу понять, чему он так обрадовался? Видно, назло Софье; мне все равно, дары я принимаю с великою благодарностью и еду жить к королю Матвею...

– И для того посылает тебе шесть походных коней с пол-

ным прибором...

– В переводе это значит любезный Андрей, можешь хоть сейчас убираться. Что же ты, Зоя, опять тут? Положим, что остальной товар, что в подвалах, не важен, что эти подарки в десять крат ценнее тех товаров; за подарки спасибо, но зачем же и тем добром брезгать? Да и как знать: вдруг из разного хлама ларец с казною может вынырнуть.

– Я хотела сказать, что после сегодняшней страшной ночи мы не можем из Москвы так скоро выехать... Надо сшить то, другое...

– Вздор! Можем! Можем! Лишь бы монета была: за пять денег в час одна игла три сорочки сошьет. Монета-волшебница... Зоюшка, ради бога, не отходи от окна... Ну, послы великие, первые на свете послы: чем же мне вас принять и угостить?..

– Спасибо, ничего не надо! Мы спешим к Успению, крест целовать на государеву службу, и завтра же в путь...

– Ты едешь? – вскрикнула Зоя и, опомнясь, отвернулась лицом к окошку... Палеолог был слишком доволен, чтобы обратить особенное внимание на это восклицание; он сделал князю тот же вопрос.

– В Крым послами едем, – отвечал Вася.

– Ах, черт возьми, какой знатный случай: при посольстве всегда есть ратные люди, а так один поедешь – страха наберешься. В Литве вольница – по дорогам шалят; немцы и так на меня злы – тем путем также опасно. А вы как поедете?

– Мы поедем сухопутьем до Украины, то есть до Дона, а там на судах, водою до самого Крыма...

– Ах ты Господи, досадно упустить такой важный случай. Да нельзя ли вам обождать дня три-четыре?

– Завтра, чуть свет указано.

– Мы собраться не успеем...

– Отчего не успеем? – перебила Зоя, подбежав к Андрею.

– Да ведь ты же говорила, что надо шить то, другое.

– Да ведь ты же сказал, что можно купить готовое...

– То-то же и есть!

– Уж я берусь за это; все будет: и прислугу найду, и подводы найму...

– А когда же я успею товары продать, не стану же я таскать их с собою?

– Ах, Господи! – подхватила Зоя. – Товары можно спрятать у Ласкира; боярин честностью своею знаменитый, он продаст их не спеша с барышом большим, а деньги перешлет с посольством каким. К Матвею что год – послы ездят...

– А? Какова? Право, мужской разум!.. Все уладила, устроила: богатырь – не жена... Одно меня беспокоит: когда же я успею бочку старого вина выпить?..

– Послушай, Андрей, ведь надо же тебе с твоими греками проститься; теперь еще рано, до вечерни я все исправлю: повозки и у соседа есть продажные, мне помогут; уложу все, а последний пир на наши деньги может Рало сделать.

– Палатный разум! Истинно ты в десять раз умнее Патри-

кеева!

– Но что же теперь мне делать...

– Тебе? Ты ступай простись с царем и сестрою и приходи к Ласкиру, при мне оставь Рало и еще кого-нибудь, для посылок...

– Позволь, Андрей Фомич, – сказал Никитин, весьма довольный тем, что Палеолог решается ехать, – нам, послам, дадут и царские повозки, и царских лошадей, так мои мне не нужны; да и всех людей моих я к тебе пришлю, они с товаром разумеют обходиться и укладку знают, а мой товар я также отдал на сохранение знакомцу; так если ты с ними сойдешься, они люди вольные, купеческие, могут тебя проводить до самого короля Матвея; там ты их наградишь и отпустишь, а они хорошего чешского, и ляшского, да угрского товара купят и с послами или с купеческим обозом на Москву воротятся.

– Само небо за нас, Зоя! Все идет как в сказке. Допустят ли только теперь к Иоанну?..

– Теперь самое лучшее время, как мне сказывали: он в садах гулять изволит и допускает к себе тех, которые не для дела, а для беседы приходят. Это его отдых...

– Так в Кремль! Кстати, лошади свои походные есть... Простите, послы любезные, что я без чинов с вами; тут у меня и сени, и гридня, и палата, и опочивальня; надену же я обновку, лунскую однорядку, экое богатство – чудо; и нож есть – прелесть; плащ моего друга Меотаки, спасибо, уцелел

в подвалах; шапка плоховата, да ведь мы на походе... Ну, прощайте, дорогие попутчики! Вечеру на пир будете?

– Не знаю; если успеем!

– Пустяки! Непременно; так уже и распоряжайся, чтобы отпировать, да и в путь чуть свет; так до свидания! Смотрите же, приезжайте, да пораньше.

Палеолог поцеловал Зою и сказал:

– Смотри, душа моя, растащат! Правда, там меньшей Рало, а тут старший, да все присматривай! Товар, который остался, надо описать.

– Ох какой ты скучный! Поезжай только, я все сделаю; недаром я училась порядку у Меотаки, а ты, пожалуй, еще опоздаешь проститься, тогда и нельзя будет с посольством уехать.

– Твоя правда, ну так прощай же, дай еще разок поцелую. До вечера, послы мои дорогие...

И Андрей с живостью юноши шел на крыльцо; все греки бросились поздравлять его, тем с большею охотою, что в царских подарках видели доказательство милостивого расположения Иоанна к их царевичу.

– Благодарю, благодарю! – говорил он скоро. – Некогда. Спешу к брату! Зовет! Вечеру милости просим на пир к Рало, другу моему. Зовите всех наших, кто меня любит. Вот она, вот эта славная бочка вина, ввечеру она будет – ваша! Я привык делиться радостью с моими любезными детьми.

– Да здравствует деспот Андрей! – закричала толпа...

– Позволь, принчипе, и мне поздравить тебя, – сказал Леон, низко кланяясь.

– Можешь, хотя я твоему поздравлению ни на медную денюгу не верю.

– Принчипе!

– Некогда! Черт тебя возьми! Приходи уж и ты на пир; ты любишь пображничать, а тут же для тебя такой радостный случай. До свидания!

И Андрей весело вскочил на одного из коней, приведенных ему в подарок...

– Ах, Вакхова голова! Вот уж это не по-царски! Гей, кто там, Рало! Скажи Зое, чтобы людям царским поднесла по десяти гривен серебра на голову...

– Рады стараться, государь царевич, милости твоей!

– Спасибо! Ну, теперь в поход...

И Палеолог ускакал. Послы также простились с Зоей, она не обнаружила ни малейшего волнения, внимательно, но холодно проводила гостей; она не могла не заметить глубокой задумчивости молодого князя, больше, он был печален; во все время переговоров Андрея с Зоей и с Никитиным насчет отъезда он был совершенно погружен в самого себя, ничего не видел, не слышал, о чем говорили, и когда дело дошло до прощания, он казался смущенным и ушел, не вымолвив слова. Зоя торжествовала; она не сомневалась, что свадьба ее была причиной такой печали, которую несчастный юноша и скрыть не умел. Мысль о приятном путешествии придавала

Зое новые силы, она распоряжалась быстро, весьма удачно; оба Рало помогали ей усердно вместе со своими и Ласкировыми слугами. Все были довольны: и те, которых освобождал Андрей от постоя, и сам Андрей, стрелою долетевший до Кремля.

Он застал государя действительно в садах; его допустили к Иоанну без затруднения; доселе Андрей был весел и беззаботен, но проходя по липовой аллее, в чем и заключался кремлевский дворцовый сад, и заслышав в цветниках голос Иоанна, Андрей потерял всегдашнюю свою бодрость и в смущении стал подходить медленнее и медленнее. Цветники занимали небольшую площадку, правильно разбитую на дорожки, отделявшие грядку от грядки; на этих грядках красовались пионы, ноготки, пестрые маки и другие летние цветы; взглянув на роскошь и разнообразие нынешних, даже частных, садов, невольно подумаешь, что не только разумное человечество, но и сама природа идет вперед, умножая на пути бесконечное свое разнообразие новыми произведениями своей неистощимой творческой силы. Бедные кремлевские цветники тогда казались богатейшими, о них в народе рассказывали чудеса; там будто росла и жизнь-трава, и райские яблоки, для которых, естественно, досужее воображение в кремлевском саду на свой счет держало райских и жар-птиц; а о фонтане в аршин вышиною, конечно, знал каждый ребенок, который уже порядочно умел складывать слова. Небольшой резервуар наполнялся с вечера водою и служил запас-

ным прудом на случай пожара; когда после обеда государь выходил в сад, фонтан пускали, но едва Иоанн возвращался к работе, фонтан запирали: красивый мраморный бассейн был уже до половины полон; это значило, что государь в саду давненько; на скамье, сплетенной из оленьих и турьих рогов и застланной парчовым тюфячком, сидел Иоанн. Софья, между грядками, смотрела на детей, грустно перебрасывавших мячик. Из бояр тут были только: Ощера, Мамон, Патрикеев да Юрий Захарьевич; из посторонних – живописец Чеколи да толмач Посольского приказа. Увидев Андрея, Иоанн сказал:

– Скажи Чеколу, что у меня только и свободного времени, что об эту пору; так пусть завтра со своим снарядом сюда в цветники приходит и пишет детские лики, а начнет с Олены... Да чтоб писал не мешкая; оттого я поденно и не нанимаю, а от каждого лика по тридцати гривен назначаю, а как напишет все, и хорошо, то за усердие подарю ему шубу... Здравствуй, Андрей Фомич, милости просим новобрачного; а без укора все-таки скажу, нехорошо сделал, никого не оповестил.

– Андрей! – вскрикнула Софья, увидав брата. – И ты смел!..

– Сестра! Я обязан тебе уважением, как к супруге такого великого и могущественного государя, но как брат, я старше тебя и моей воле хозяин.

– Истина, аминь! Не имеешь ли к нам просьбы?.. – спро-

сил Иоанн.

– Нет, государь! Слишком, слишком богатою милостью ты взыскал меня; щедрость твоя меня поразила, я пришел принести тебе мою благодарность и просить разрешения на отпуск.

– Куда же?

– Есть люди, которые расположены еще к падшим Палеологам. Ты не можешь, государь, возвратить нам потерянного престола. У тебя своих злодеев много.

– Таки немало...

– Но есть могущественные монархи, у них полки от войны свободны, а соседство турок добра им не предвещает; может быть, удастся их подвинуть...

– Может быть! Только, Андрей Фомич, запомни мой совет. Добывай Византию посольским умом и языком, да, пожалуй, чужими руками, но денег на это дело не трать; на случай неудачи, не останешься нищим. И то еще скажу, что, где осядешь на год, на два, давай нам знать, мы тебя своею помощью никогда не оставим... Когда же в путь?..

– Завтра, великий государь и благодетель!..

– Так скоро?..

– И не желал бы, но обстоятельства того требуют. Ты посылаешь послов к хану крымскому, так мы далеко можем с ними ехать безопасно, потому что послы с малым обозом не поедут...

– Весьма благоразумно. Но разве ты норовишь к Черному

моря?

– Нет, государь, мы до Крыма вместе, а там к молдавскому господарю; тут все пути безопасные.

– Кроме Буржака, но там теперь Менгли-Гиреева орда сидит в засаде на Польшу; так я велю тебе дать опасную грамоту, орда меня слушается, что своего хана. Пожалуй, дадут еще проводников до самого Прута. Тогда поистине безопасное странствие... А Холмскому я накажу, чтобы тебе старался быть в помощь... А ты, Андрей Фомич... это последняя просьба... гляди за моим орленком, чтобы он в пути не пристал к какому соблазну; пуще, чтоб к вину не пристрастился; попроси от меня о том и супружницу свою, потому что женский глаз острее, а речь ласковее, а лаской из такого ребенка все сделаешь. Ну, благослови Господи и напутствуй их твоим святым покровом. Прости, Андрей Фомич! Не забывай нас, пиши почаще... Прости!

Иоанн встал и протянул руки. Палеолог не без волнения обнял Иоанна и поцеловал в плечо. С сестрою он тоже поцеловался, но только и могли сказать: прощай, сестра, прощай, брат. Боярам Палеолог сделал легкий поклон, те отвечали тем же; расстались!

– От души кланялся! – сказал Мамон тихо. – Авось уедет... Пошел-ушел.

– А я так и не кланялся, – перебил Ощера. – Потому что уехать уедет, да воротится, туда-сюда... Пташка перелетная, да и голубку подобрал себе, говорят, вострую. – Ощера утер-

ся рукавом.

– Что ты? – спросил государь.

– Так! У меня уж такой норов!

– Софья, – сказал Иоанн, – не пора ли детям в хоромы...

Софья и дети ушли. Иоанн продолжал:

– А какой же это у тебя норов?

– Красавица, так кровь и заиграет, туда-сюда. Прослышу – лихорадка, а увижу – опьянею.

– Да где же ты красавиц-то у нас видишь...

– На сенокосе, когда сено собирают или хлеб жнут. Уж тут я всегда в подмосковной...

– Мамон, что, он правду говорит?

– Врет он, государь, хвастунишка, пошел-ушел. Был он ходок когда-то, да теперь куда ему, вылинял; пусть шапку снимет, голова у него – ни дать ни взять у поповской палки яблоко...

– Не хвались своей щетиной; шуба-то мохнатая, да с дрянного зверя, туда-сюда. Недаром тебя государь Мамоном прозвал; годовалого теленка, туда-сюда, на ужин съел... А что я люблю на красавиц посмотреть, тут греха нет. И, признаюсь, я столько про Зою наслышан, что дал бы гривну¹⁸, туда-сюда, чтобы на нее взглянуть.

– Ну а какой же грех, что я ем столько, сколько нужно. Чем я виноват, что утроба верблюжья. Я ем, да не объедаюсь,

¹⁸ **Гривна** – род медальона, ладонки, образка (медного, серебряного, золотого), обычно створчатого, носимого на цепи на шее.

так тут нет беды, лишь бы всегда продовольствия хватало. Вот, говорят, у Андрея Фомича пиры так на чудо. Художник, говорят, все скучал, что денег нет, и мне обещал: будут – угощу. Вот тебе деньги есть, да пира не будет, завтра уедет, а пир – пошел-ушел!

– Не печалься! – перебил Иоанн. – Пир будет; без пира не уедет, сегодня отпразднует прощальную, и я хочу вам об-им доставить удовольствие. Как бы то ни было, Зоя – жена Палеолога. Непристойно ей ехать, как мещанке. Ощера отведет ей коня ученого с походным седлом, а Мамон отвезет Андрею путевую поварню; пусть повара начинают ее, как следует в дорогу. Юрий Захарыч, распорядись, а мне пора за работу: пойдем, Патрикеев.

Не станем утомлять читателей подробным описанием всех сборов в дорогу и послов, и Палеологов, довольно сказать, что благодаря распорядительности Никитина и Зои к вечеру все поспело.

На пепелище дома Меотаки стоял большой посольский обоз: несколько телег с продовольствием и вещами, лошади, выучные и тяглые, два шатра, четыре кибитки крытые, несколько подвод – словом, все принадлежности, какие в то время были необходимы для дальнего путешествия знатных бояр; обоз этот охранялся отрядом боярских детей, их было всего десять с начальником; девять покойно отдыхали в опустевшей академии, один с копьём торчал в разломанных во время пожара воротах; два чиновника Посольского приказа,

дворяне Загряжский и Кулешин, приписанные к посольству для письмоводства и науки, вместе с Никитиным и Холмским пошли в дом Рало, где пир уже был готов и собирались гости. Иван Рало был не в духе, ему очень не нравились пиры Андрея; на этот раз он был бы сговорчивее и веселее, потому что это был прощальный пир, если бы Андрей не требовал, чтобы Зоя была также за трапезой, Ивану и до этого нужды не было, но присутствие Зои возлагало обязанность и на хозяйку и на дочерей его сидеть за столом, а это крайне не нравилось Ивану; еще и то было не по душе ему, что на пир сходились не одни греки, но когда в парадные сени вошел мистр Леон, Иван чуть не вскрикнул с досады... Он не удержался, однако же, и спросил у старшего сына: кто впустил сюда этого пса богомерзкого; сын пожал плечами и посмотрел на Андрея. Старик плюнул и отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.